

Сердоболь

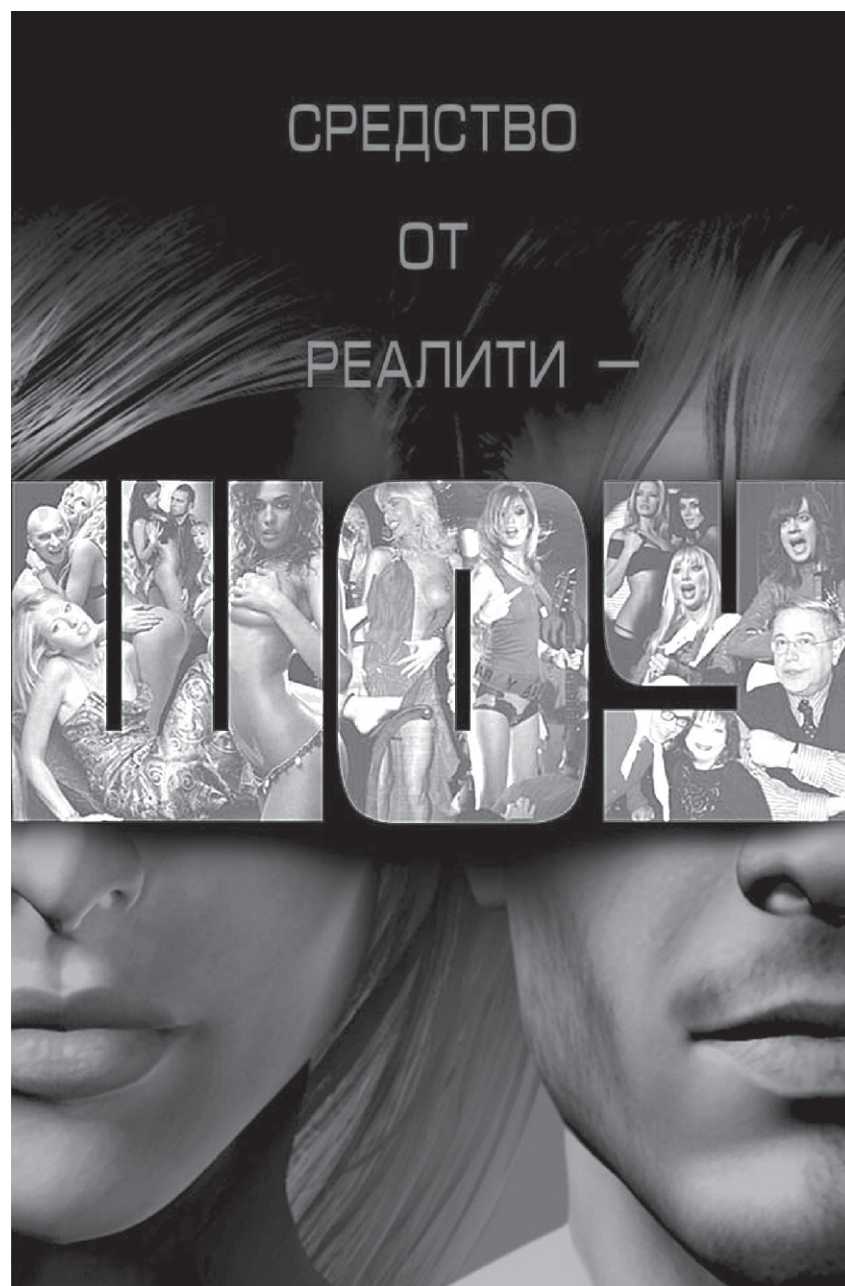
Звонук

KYMÖLÄ SEMINARIUM

Diverse lokaler.

ГОРОДСКОЙ АЛЬМАНАХ * KAUPUNGIN ALMANAKKA

Плакат художника Петрыгина-Родионова.

ГОРОДСКОЙ Сердоболь АЛЬМАНАХ

Редколлегия

Арт-директор
Виталий Рыстов
генеральный секретарь
Светлана Романова

Игорь Борисов,
Лейла Берая, Александр Изотов,
Валентина Кирьянова

Координаты

Республика Карелия,
186790 г.Сортавала (Сердоболь)
ул.Карельская, Д.19, а/я 13
Тел.+7 (921) 604-09-61;

Skype: almanah-serdobol
e-mail: serdobol-almanah@yandex.ru
сайт: www.serdobol.sortavala.info

Наместники

В Петрозаводске:
Раиса Мустонен,
Владимир Судаков.

В Йоенсуу (Финляндия):
Александр Изотов
Aleksander.izotov@joensuu.fi

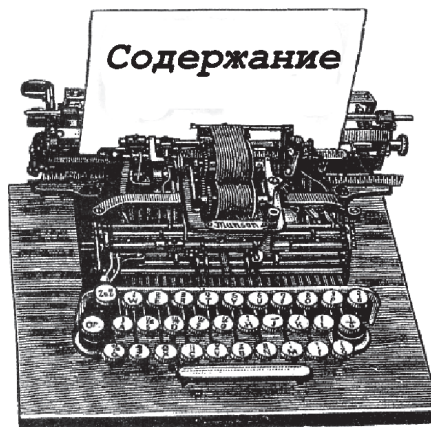
P. S

Изготовление и размещение
рекламы: 8 (921) 604-09-61
Мнения авторов могут не
совпадать с позицией редакции.

Альманах издаётся с марта 2008г.

Выпуск 7
июнь 2010г.

Тираж 999 экз.

ТЕМА

Эвакуация

4

ОБИТАТЕЛИ

Благотворители

10

Литератор

18

Художник

28

животное

40

ГАСТРОЛЁР

Живой классик

43

ОБЪЕКТ

Дворик с трубой

49

TIIVISTELMÄ

55

ЭВАКУАЦИЯ

Термин ЭВАКУАЦИЯ (с латинского *evacuatio* – опорожнение) в толковом словаре Ушакова – это организованный вывоз кого-нибудь или чего-нибудь из одной местности в другую для предохранения от опасности или с целью возвращения на постоянное место. Примеры: эвакуация гражданского населения с театра военных действий; эвакуация ценностей перед сдачей города неприятелю и т.п. За короткий период (1940-1944 гг.) Сортавала пережила целых три эвакуации. В этом номере мы приводим воспоминания Тильды Войпио (Лемпинен), жительницы деревни Аньяла, об эвакуации 1940 г.

Зима 1940 года была тяжёлой, холодной, с обильными снегопадами. В воздухе постоянно витало чувство опасности. Когда 13 марта утром приблизился, а затем стих угрожающий шум, наступила необычайная тишина. Неужели война закончилась? Она длится уже четыре месяца. До нас дошли слухи о том, что надо быть готовыми уходить со своих мест. И это могло случиться в любой момент.

Наверняка не найдётся ни одного дома, которого так или иначе не коснулись бы эти месяцы. Не был радостным и тот вечер на Рождественской неделе, когда в дом принесли одежду моего 18-летнего брата, погибшего от бомбёжки вместе со своими друзьями, находившимися на работе в Толварявви. Похоронная церемония и благословение проходили в Сортавальской церкви. Несмотря на слёзы, она была светлой и торжественной. Погребение в парке рядом с церковью должно проходить в тишине и мрачной обстановке.

Белый ряд ящиков перед алтарём – моё последнее воспоминание о такой знакомой и любимой церкви. Так часто я зачарованно слушала звуки органа, на котором играл музыкант Онни Пакаринен, иногда даже завидовала его чёрным кудрям, которые виднелись из-за органа, когда сидела в рядах для женщин. Та музыка, которую он играл, утоляла жажду музыки во мне с тех пор, когда я была ещё маленькой девочкой. Напевы дьякона Хулкконена были бесподобны. Я никогда не слышала, чтобы кто-то напевал благословение Господне так, как это делал он. Глубокий, могучий, громкий голос наполнял зал. Каждый раз это было праздничное и чарующее событие. Всего два месяца спустя после похорон, 2-го февраля, церковь настигла злая судьба – авиаудары советской авиации по Сортавала.

Стояло замечательное солнечное, морозное утро. "Да, много птиц летит с Ладogi!" – сказал кто-то, входя в дом. Вместе с ними пришёл и тяжёлый шум от бомбёжки. Самолёты следовали друг за другом. 10 рядов по 9 самолётов, всего 40 самолётов, похожие на стаю птиц, скидывали бомбы на наш маленький город. Выполнив задание, они развернулись и улетели по другую сторону от нашей деревни. Мальчишки на

лыжах поспешили на самую высокую гору, чтобы увидеть разрушение города. Аньяла, наша деревушка на берегу Ладogi, осталась нетронутой. Но уже вечером ещё 20 самолётов прилетели дополнить начатое утром уничтожение. Эти самолёты кружили так низко и временами пролетали и над нашим домом, стреляя осветительными ракетами. Всё было в зловещем освещении, и не было такого места, где можно было бы чувствовать себя в безопасности.

Когда, после этого, я была в городе по делам, повсюду была смерть. От многих деревянных домов остались лишь печные трубы, в каменных домах на месте окон были лишь пустые проёмы.

Даже в воскресенье, за несколько дней до перемирия, в 3 часа дня загудели бомбардировщики. Они быстро приближались и вскоре превратили в столб дыма Хелюльскую фабрику по изготовлению игрушек и мебели, находящуюся в трёх километрах. Они снова обошли нас стороной, хоть и долго кружили.

Военная полиция пришла к нам ночью и объявила о мирном соглашении и условиях перемирия – об уходе в течение трёх дней. Радио тогда у нас не было. На следующий день мама с младшими и со старшей сестрой, которая уже была эвакуирована на остров Мантинсаари, отправились в дорогу. Младшей сестре тогда было всего три месяца. Младенца – в корзину, корзину – в сани, тёплую одежду – на себя, еду – с собой, и – в путь. И вот такой караван из девяти человек отправился в шестикилометровый поход, целью которого был Сортавальский вокзал, откуда повезёт поезд. Куда повезёт – этого никто не знал.

Мы, остальные, не успели уйти вместе с ними. Мы с сестрой собирали зерно в мешки всю ночь. Отец отвозил эти мешки с зерном на телеге на станцию Хелюля. Это тоже был официальный приказ.

Нам было очень тяжело заколоть большую свинью. Один старик помог нам. Пришлось нагреть воды в котле в коровнике, а потом обливать свиные туши горячей водой во дворе коровника. Мы пытались соскрести щетину ножами. У отца не было времени помочь нам, потому что ему необходимо было отвозить зерно.

Затем поздним вечером, когда уже не нужно было

спешить, отец совершал последнюю поездку - на этот раз со швейной машинкой и прочими вещами. Деревня была почти пуста. Лишь в двух домах ещё оставались люди, занимаясь той же суетой, что и мы. Да, после всего этого пришло неопишное, странное ощущение: смерть, запустение, горе и тоска. Тоска по чему-то неизбежному, нетленному. Всё, что было дорого, знакомо, всё своё - ничего этого больше не существовало. Идиллия маленькой деревушки была разбита.

Я просто так беспорядочно расставила мебель. Легла на жёсткую кровать без матраса. Это был инстинктивный поступок - я знала, что на протяжении следующих нескольких недель я буду мало спать.

Рано утром накормили и подоили коров, сепарировали молоко. Сварили завтрак: картофель со свиным соусом. Двумя днями раньше из подвала принесли десятилитровую банку яблочного варенья. Но никто не был голоден. В то время, когда мы сидели за столом, дочь дяди, жившего по соседству, прибежала к дверям: "Хииденселькя полон русских, уходите", - прокричала она и убежала. Еду мы оставили на столе. Попытались перекусить на ходу. Эти дни были очень тяжёлыми, особенно для отца. И наступающий день требовал бодрости.

Отец пошёл запрягать лошадь в телегу, которая была подготовлена уже с вечера, а мы, сёстры, выводили коров из хлева. То же делали и соседи. Ужасная суматоха! Коровы были очень напуганы и скакали повсюду. Некоторые тонули в

на стр.5 (сверху в низ):

улица 40 лет ВЛКСМ, (бывш. Johanneksenkatu); ул. Карельская (бывш. Karjalankatu); ул. Кирова (бывш. Torikatu)

стр.6 (сверху в низ):

вид на Никольскую церковь; ул.Садовая (бывш. Puistokatu); ул. Чкалова (бывш. Kristiinankatu)

снегу по шею. Вытаскивать их было невозможно. Наконец, коров собрали. Отец с лошадьми ехал впереди, дядя шёл последним, а скот шагал между ними. Вести коров было очень тяжело - они опьянели неожиданной свободой.

Со двора других соседей выходила повозка и скот. Хозяйка сидела сверху на покачивающемся прицепе и ревела во весь голос. Они переехали сюда всего несколько лет назад и устраивали свою жизнь с нуля. Поэтому расставаться с домом для них было ещё тяжелее. В сопровождении холодных солнечных лучей и мороза, с дырами в обуви, мы спустились вниз, к реке, и оттуда прошли через залив, где сократили путь по зимней дороге. Начало путешествия казалось успешным, но на первом же подъёме наша лошадь остановилась. Несмотря на все попытки, повозка не сдвинулась с места. Лошадь была истощена. На ней уже ездил три дня и три ночи. Скот тоже начинал нервничать, потому что не мог идти ни вперёд ни назад, и начал снова уходить в сторону, в глубокий снег. Приближался грохот танков; Хииденселькя наполнился людьми, которые разбрелись по всем домам, а также за пределы нашей деревни и вверх по реке, которую мы только что перешли. Если бы мы немножко затянули с отправлением, вполне возможно, что они перекрыли бы нам дорогу.

Ещё не успела остыть наша еда, как в дом вошли новые хозяева. Сначала мы надеялись, что это свои, но затем по головным уборам определили, что это не так, и наша надежда улетучилась. Три мужчины из колонны приближались по направлению к нам. Дядя немного говорил по-русски, и успел обменяться с ними несколькими фразами. Внезапно оттуда же примчалась лошадь с повозкой, на которой были финский солдат и пара женщин-добровольцев. Они подъехали и прокричали: "Оставляйте скорее коров и следуйте за нами - это русские. Если бы вы только знали, какие они жестокие..."

У нас была двойная телега, связанная верёвкой. Мы выбросили из телеги горшок свинины и ящик с нашей лучшей посудой. Повозка стала беднее, но начала двигаться быстрее.

Когда мы проехали три или четыре километра, на углу кладбища нас остановила военная полиция и заставила отвести скот в поместье Форссунхови, где его забьют.

В то же время мимо нас проходил финский солдат. Он, наверное, сошёл с ума, его плечи были вогнуты, руки безжизненно висели, и он начал преследовать меня. К счастью, нам удалось повернуть его внимание в другом направлении.

Из города ехал автобус, единственными пассажирами которого были военный полицейский и владелец магазина. "Женщины, быстро в машину. Русские в Сортавала! Пусть мужчины ведут коров!" - прокричали они нам.

Мы с сестрой запрыгнули в автобус и уехали. Через некоторое время остановились у сельского магазинчика, находившегося возле дороги. Нам приказали брать всё, что хотим. В момент, когда мы вошли внутрь, молодая девушка взяла с витрины красивую зелёную шёлковую ткань. На полу в подвальчике было полно обуви. Долго пришлось искать второй ботинок.

И обратно в автобус. Так можно было бы путешествовать хоть на край света, но на первой развилке пришлось выйти из автобуса. Мы не знали, по какой именно дороге пойдёт наш отец. Кроме того, куда нам торопиться - цели у нас никакой не было. Мы стали ждать своего пожилого отца - ему было уже почти 65 лет, собирались путешествовать с ним, иногда варить ему кофе.

Мы отнесли все вещи в один пустой дом. На ночь разместились в ближайшем доме у перекрёстка. На полу была постелена солома, на которой эвакуированные спали бок о бок друг с другом. День закончился.

На следующее утро мы остались ждать своего отца в этом доме, а около полудня пошли искать его на дорогу. Ходить по мрачному лесу было очень страшно, особенно когда нас так долго никто не забирал. Было большим облегчением наконец-то увидеть приближающихся наших. Леммикки, одна из наших коров, не захотела остаться с остальными коровами и пошла за отцом. Увидев нас, начала громко мычать и побежала в нашу сторону. Она просто бежала и редела. О, какой трогательный зов, бедная корова!

Какой-то землевладелец погрузил на повозку нашего отца большие стоячие часы. "Мы оставили свои часы дома, на стенке", - сказал отец. Когда мы приблизились к дому, в котором оставили пожитки, остановились и тоже погрузили свои вещи на телегу.

Скоро сельская дорога, рядом с которой раньше был глубокий снег, стала ужасной: мёртвые коровы лежали недалеко друг от друга по обе стороны дороги. Одна из них даже родила там телёнка. Они были как указатели того, откуда следовали беженцы со своим скотом.

По приближению к Кесялахти, рёв коров стал слышен за километры. Это был страшный звук. Дорога проходила мимо леса возле холма. Холм был полон коров, он был похож на гигантский муравейник. Они всё ходили и ходили, бок о бок, без заборов, просто кружась, мыча и пытаясь найти утешение друг у друга. Леммикки тоже осталась там, последняя из наших девяти коров.

стр.7 (сверху вниз):

ул. Чкалова (бывш. Kristiinankatu); ул. Карельская (Karjalankatu); ул. Антикайнена (бывш. Puutarhakatu)

на стр.9 (сверху вниз):

ул. Чкалова (бывш. Kristiinankatu); Брошенная утварь горожан.

Стадо поглотило и скот нашего соседа, идущего впереди. Невозможно было миновать это стадо без потерь. Скот забивали, но этим бедным коровам пришлось день и ночь стоять на холоде, без еды и питья, ожидая своей очереди отправиться на покой. Мудро поступили те, кто перед уходом застрелил свой скот в родном дворе.

Дорога постоянно ухудшалась - сплошные ухабы и кусты по обе стороны. Ехать верхом было очень трудно. Когда мы дошли до следующего места ночлега - оставили там половину вещей из повозки. Здесь отдыхали солдаты, и мы отдали им тяжёлый ящик с вареньем и соками. Собираясь в спешке, очень сложно определить, что брать с собой, а что оставить. Эти варенья и соки были не нужны. Но сейчас они кому-то понадобятся. Говорят, что один старик пришёл на вокзал в Сортавала с горшком цветущей герани под мышкой.

(...)Наступила Пасха. Погода была переменчива, как обычно бывает в это время года. Иногда шёл снег и стоял мороз, но чувствовалось наступление весны. Стоял именно такой вечер. На ночь мы попросились в дом, который я приняла за гостиницу (моя сестра сказала, что это не гостиница, а дом священника, и мы переночевали в сауне той усадьбы, в то время, как в доме была вечеринка). Нам не нашлось места в доме и нас попросили переночевать в сауне. Наверное, кто-то топил её и парился примерно за сутки до нашего прихода. За банным отделением был предбанник. Мы спали на скамье в предбаннике, а отец и семья дяди спали в банном отделении. Но холодная сауна может быть очень мрачной. Мы не смогли заснуть, полностью одетые, мёрзли в этой холодной сауне в ночь перед Пасхой.

Когда, наконец, наступило утро, из дома нам принесли несколько холодных варёных картофелин. Мы попытались сварить в печи утренний кофе, но это не дало никакого результата.

Идти дальше было намного теплее. В Рантасалми счастье улыбнулось нам. Домик был маленьким, всего лишь кухня и комнатка. Хозяин и хозяйка - чрезвычайно радушны. Ведь доброта не стоит ничего, и никто не может быть беден настолько, чтобы не доставить радости другому, если не делами, то хотя бы словом. Вечером мы все вместе сидели во дворе и любовались Северным Сиянием, горящим красным светом. "Будет война", - сказали и они и мы.

Хозяйка постелила нам с сестрой на кухне. Они предоставили нам свой диван. Сами - ушли в комнату, где разместились мужчины; спали на полу. Как было здорово раздеться, скинуть обувь и носки и залезть под одеяло. В нашем путешествии это показалось роскошью. Утром ожидал другой сюрприз: кофе и кулич подали к столу. В глазах хозяев сияла пасхальная радость, дарившая нам новую надежду. Это место так сильно отличалось от предыдущего. Мы обещали остановиться у них на обратном пути.

(...)В Лиминка началось просветление. Это место было готово принимать беженцев. Все стояли в одной очереди за супом, как господа, так и мы, деревенские. Картофель варился в огромной кастрюле. От воды картофелины становились серыми и были похожи на корм для свиней. Сытные годы остались там, за границей. Надо было быть довольным тем, что давали, или не иметь и этого. И наконец мы смогли получить удовольствие от сауны - вновь почувствовали себя людьми только тогда, когда попарились, помылись и оделись в

чистую одежду. Теперь нам хотелось лишь одного - вновь собрать семью. Мы с сестрой отправились в Остроботнию, чтобы спросить, где могут быть наши родные. Регулярного транспорта не было. Автобусы приходили и уходили как им вздумается. Однако, новый день начинался совсем по-другому. Мы были чистыми, отдохнувшими и никуда не спешили. Не было страха, не нужно было бежать.

(...)Наконец, мы нашли свою семью в добром здравии в помещении народной школы в Сиева. Они были в приюте, полном вшей, и хотели поскорее уйти вместе с нами. Но в Лиминка нам не нашлось места для постоянного жилья. Лишь указали путь в Лумийоки, в деревню Варьякка. Этот последний участок пути, шесть километров от Лумийоки до Варьякка, был небольшой грязной дорогой. Младенец вновь был в санях, укутанный в шубы. Дул пронизывающий северный ветер и опять шёл снег.

И вот мы вновь идём все вместе - отец с дядей со своими лошадьми впереди, а за ними примерно ещё двадцать человек, от младенцев до стариков. И всё, что каждый мог видеть - это лишь спина впереди идущего.

Наконец у дороги нам попался домик, где все смогли разместиться. Старый дом, в котором никто не жил, назывался Койвула. Серая снаружи, ещё серее изнутри, маленькая изба - комнатка и кухонка - в плохом состоянии. Вид из неё был очень печальный - нигде не было холмов или гор. Край леса был очень близко; он был нашим забором.

Здесь нам, трём семьям, пришлось уместиться, для начала. Та посуда, которую мы когда-то выбросили на обочину дороги, сейчас бы очень пригодилась. Мясо, которое пришлось продать, сейчас было бы кстати. Сладкое варенье, которое пришлось отдать, сейчас бы очень освежило нас. А как насчёт всего того зерна, которое мы отвезли на станцию с большим трудом? Государство забрало всё зерно, потому что нуждалось в нём. "Вы не взяли с собой ту большую подушку?", - заметил кто-то. И другой: "Почему вы не захватили гармонь?" Взяли, взяли, взяли. Почему они сами не взяли всё это с собой? Они шли оттуда же, откуда и мы. Просто надо быть терпеливыми. Всё это было лишь началом странствований по пустыне, которой не было видно ни конца, ни края. Из соседнего домика нас пришли поприветствовать с картофельной лепёшкой в руках. Спустя некоторое время, люди из деревни также приветствовали нас.

И зима потихоньку заканчивалась. Мы, младшие, пошли на берег моря, где кончалась дорога. Перед открытым морем почувствовали себя свободными и спасёнными. Даже когда оно было покрыто снегом и льдом. Это как окошко в то место, которое мы раньше называли Домом. Стаи птиц вновь возвращались с юга на север, теперь мы видели их каждый день. Курлыкающие журавли летели на север, мы видели их на фоне неба, вновь становившегося светлым и ясным.

Придорожные канавы и колodцы наполнились ржавой, коричневой водой. И этой водой нам предстоит стирать? Каждый раз возникала новая проблема.

Но с приходом весны надежда начинала пробиваться. Ведь никогда не знаешь, что ждёт тебя в будущем.

перевод Жанны Раднаевой

В тексте использованы фотографии (зима 1940 г.) американского корреспондента Карла Мидэнса (1907-2004)

Биографические сведения.

Родителями Германа Халлонблада были коронный фохт в объединенном Сортавальском и Салминском судебном округе статский советник Йохан Халлонблад и дочь пробста (старшего пастора) из Китее Катарина Вегелиус.

Детские годы Германа прошли в Сортавале. Халлонблады, у которых было 8 детей, жили в центре города, в одноэтажном деревянном доме, окруженном большим садом. Семья была очень дружной, гостеприимной и музыкальной. Все играли на пианино, пели, танцевали и устраивали концерты.

Герман получил прекрасное образование: он учился в лучшем учебном заведении Хельсинки - частном лицее для мальчиков «Хельсингфорс», а затем на факультете правоведения Хельсинского Императорского Александровского университета.

В 1848 году Герман Халлонблад познакомился с подругой своей сестры Эвелины - Лизинкой (Элизабет) Сийтонен, которая была на 6 лет моложе его, и влюбился в нее. Девушка ответила на его любовь, и молодые люди обручились. Лизинка была единственным ребенком очень богатого сортавальского купца Ивана Сийтонена.

Ее мать (урожд. Мария Ниссинен) умерла, когда ей было всего 3 года. Девочка жила с отцом, который отличался суровым и властным нравом, но старался дать единственной дочери хорошее образование. У нее было две домашние учительницы, обучавшие ее немецкому, шведскому и французскому языкам.

Герман и Элизабет ХАЛЛОНБЛАД

Герман и Элизабет Халлонблад – меценаты и благотворители Ладожской Карелии.

Государственный советник Герман Халлонблад (1825-1894) и его супруга Элизабет Халлонблад (1831-1907) были крупными финскими меценатами 2-й половины XIX века, но развитие Ладожской или - как тогда ее называли - Приграничной Карелии было особенно близко их сердцу, т.к. оба родились и жили в городе Сортавала. Они были горячими патриотами своей малой родины и оказывали ей реальную помощь в деле просвещения, культуры и экономики. Можно без преувеличения сказать, что они ускорили ее экономическое и культурное развитие.

В 1843-46 годах она училась в двухгодичной немецкой частной школе для девочек в Савонлинне.

Когда отец Лизинки узнал, что его дочь обручилась без его согласия, он разгневался. Тогда Герман Халлонблад предпринял официальный визит в родовую усадьбу Сийтоненых в Рюттю, чтобы торжественно просить руки Элизабет. С собой он взял переводчика на русский язык - мужа своей сестры. Переводчик потребовался потому, что родным языком Халлонбладов был шведский, а Сийтонен говорил только по-фински и по-русски. Но визит закончился конфузом: и жениха, и свата старый купец прогнал прочь, а от дочери потребовал расторгнуть помолвку.

Причиной отказа отца была разница в вероисповедании: Халлонблад был лютеранином, а Сийтонены - православными. И, кроме того, для дочери им был выбран другой жених, которого одобрили даже монахи Валаамского монастыря. Как свидетельствуют источники, речь шла о «молодом, богатом и красивом русском купце православной веры».

Но Лизинка не хотела и слышать ни о ком другом, кроме Германа. Разгневанный отец запретил ей переписываться с женихом и даже держать в доме бумагу и чернила. Ей было запрещено покидать дом.

Но ничего не помогло. «Лизинка любит Германа, а он ее», - писала сестра Германа Эвелина. В 1849 году у Сийтонена случился удар, но он быстро поправился и продолжал оставаться непреклонным. Влюбленным оставалось только запастись терпением и ждать. За время ожидания Герман сдал выпускные

на стр. 12: фото Германа (1860г.) и Элизабет (1860г.) Халлонблад
на стр 13: фото (нач.ХХв.) интерьера в доме на ул.Ратушной

экзамены в университете и начал служить в губернском суде Выборга.

Только после, как старого купца спустя полтора года вторично парализовало, он уступил, и в 1851 году состоялась свадьба без широкой огласки.

Вице-судья Халлонблад на протяжении своей жизни занимал множество различных должностей. С 1852 по 1862 год он служил мэром города Кякисалми (Кесгольма), затем в течение 7 лет занимал пост директора Финского объединенного банка в Хельсинки, а вместе с тем он был еще и землевладельцем: ему принадлежали в разные годы усадьба Лауко в провинции Хяме и поместья Рюттю, Мюллюкюля и Хюмпеля в Сортавальском уезде. Но где бы ни жили супруги Халлонблад, они не теряли связей с Ладожской Карелией и каждое лето проводили в Сортавале, где помимо усадеб они владели также городским домом на улице Ратушной (ныне ул.Ленина, 14).

Когда купец И. Сийтонен умер, его дочь стала наследницей огромного состояния. Особенно большое значение это имело для Германа Халлонблада, так как по законам того времени у мужа было полное право распоряжаться собственностью жены. Но используя средства Элизабет для благотворительных целей, Герман все же принимал во внимание пожелания своей супруги, и чаще всего пожертвования они делали от имени обоих. По воспоминаниям внучатой племянницы Халлонблада Мярты Боргстрем, "тетя Лилли всю жизнь очень любила своего мужа и смотрела на него с восхищением. Он решал все дела, и его слово было для нее законом....Тетя Лилли была очень сердечной, доброй и мягкой женщиной, глядя на которую трудно было поверить, что она в свое время проявила такую твердость и силу в борьбе за свою любовь".

Вклад супругов в развитие народного просвещения.

Супруги Халлонблады любили искусство и оказывали значительную финансовую поддержку как изобразительной, так и музыкальной культуре, но тем не менее их помнят в Финляндии в первую очередь за содействие развитию народного образования в Карелии.

В 1860 году умер отец Элизабет, и в память о нем супруги Халлонблад решили открыть в Сортавальском уезде первую народную начальную школу, носящую его имя. С этой целью ими был подарен городу большой земельный участок в живописном пригороде Сортавала - Кюмеля, принадлежавший Сийтоне-ну, на котором был построен целый учебный комплекс: два школьных здания, детский сад, интернат для девочек-сирот, ферма, различные хозяйственные постройки, огород. Школа И.Сийтонена была открыта в 1864 году. Кроме того, Халлонблады пожертвовали городу 200 000 марок, годовые проценты от которых должны были идти на содержание школы. Общая сумма

пожертвований составила 371 500 марок, огромную сумму для того времени (в переводе на современные деньги - 1400000 евро). Этот проект имел такое большое государственное значение, что Герман Халлонблад получил от императора Александра Второго орден Святой Анны Второй степени и титул статского советника.

Школа И.Сийтонена была передовой для своего времени, но прекратила свою деятельность спустя 13 лет, когда в 1877 все школьные строения вместе с землей, а также 200 000 марок были подарены Халлонбладами государству для основания здесь училища по подготовке учителей для народных школ (учительской семинарии). Именно этот дар сыграл главную роль в принятии решения правительством Финляндии о месте строительства семинарии, т.к. первоначально планировалось открыть ее в Савонлинне. Это была вторая в Финляндии учительская семинария с преподаванием на финском языке.

Открытие ее состоялось в 1880 году. Семинария представляла собой целый студенческий городок протяженностью почти километр, на котором располагались десятки строений: мужские и женские учебные корпуса и общежития, мастерские, концертный и спортивный залы, детский сад, т.н. "образцовые школы" для мальчиков и девочек, где проходили практики семинаристы, а также сад, огород, теплицы.

В 1891 году Герман Халлонблад дополнительно пожертвовал 3000 марок для помощи нуждающимся семинаристам, а Элизабет в течение нескольких лет оплачивала питание и жилье 10 ученицам школы. Супруги были и попечителями этого учебного заведения, ежегодно присутствовали на весенних экзаменах и праздниках.

Открытие семинарии имело огромное значение для экономического и культурного развития как города, так и всей Приграничной Карелии. Можно сказать, что в 1880 году открылась новая страница в истории Сортавала. Из маленького патриархального городка она превратилась в мощный образовательный и культурный центр Северного Приладожья. "Кюмельская семинария" стала для карельской молодежи своеобразным "Карельским университетом", как иногда ее называли. За 60 лет своего существования семинария подготовила 2800 учителей. Самым знаменитым ее выпускником был финский писатель-сатирик Майю Лассила.

После того как школа Сийтонена закрылась, Халлонблады продолжали активную деятельность по открытию народных школ в сельской общине, т.к. действующие при учительской семинарии т.н. "образцовые школы" не могли вместить всех желающих учиться.

В 1879 году на собрании сельской общины было принято решение о создании специального фонда для строительства и обеспечения сельских школ, и супруги Халлонблад пообещали пожертвовать каждой из открывающихся в Сортавальском уезде школ по 1000 марок на приобретение мебели и оборудования. В 1881 году правление сельской общины наконец решило открыть 4 народные школы: в Ляскеля, Куркиеки, Тулола и Рюттю. Но прежде чем это решение воплотилось в жизнь, пришлось столкнуться с различными трудностями. Тогда опять пришел на помощь статский советник Халлонблад. На свои средства в 1882 году он построил первую в Сортавальском уезде сельскую народную школу и подарил ее общине.

Школа находилась в деревне Ристи (селение Рюттю), на землях родового поместья И. Сийтонена, доставшемся Элизабет Халлонблад по наследству. Год спустя Герман

на стр. 14: картина художника Х. Мунстерельма "Вид на залив Лаппаярви" (1886г.) - дар Халлонбладов городу. Украшала зал Ратуши (до 1939г.)

на стр. 15 (вверху): Усадьба в Мюллюкюля (художник Вяйно Хамалайнен)
(внизу): Усадьба в Рюттю (художник Хьяммар Мунстерхельм, 1895г.)

Халлонблад открыл там же двухгодичную столярную школу, куда принимались мальчики с 15 лет. Руководил ею талантливый преподаватель ремесел и рисования Сортавальской семинарии Ээро Мякинен. Со временем школа превратилась в профессиональное учебное заведение высокого уровня. Так, на промышленной выставке в Хельсинки в 1897 году изделия учащихся столярной школы Халлонблада получили 1 премию.

В 80-90-е годы в Финляндии началось движение по созданию т.н. школ рукоделия, в которых девочки получали профессиональные навыки, с помощью которых они могли содержать себя и свои семьи. В Сортавале первую школу ткачества и рукоделия основала в 1885 году Элизабет Халлонблад. До 1892 года она сама опекала и финансировала ее, а затем передала Сортавальскому женскому обществу, но продолжала выплачивать ежегодно по 500 марок на ее содержание. В 1912 году школа приобрела статус

училища и стала называться Сортавальской женской школой домоводства. (В 1940 году она переехала в Варкаус, где продолжает действовать и доныне).

В 1901 году Элизабет Халлонблад исполнилось 70 лет, и она пожертвовала 20 000 марок для основания Восточно-Карельского народного училища, построенного в 1906 году в Импилахти. (Во время "зимней" войны оно было эвакуировано и сейчас продолжает свою деятельность в Пункахарью).

Говоря о вкладе Халлонбладов в просвещение карельского народа и воспитание его национального самосознания, нельзя не упомянуть и Историко-этнографический музей, который был основан в Сортавале в 1883 году по инициативе лектора семинарии Оскара Адольфа Хайнари и государственного советника Халлонблада. В 1895 году для музея супруги отвели часть помещений в своем городском доме на ул. Ратушной. Они дарили в его фонды различные экспонаты (в частности, свою коллекцию старых золотых монет), а также делали значительные денежные пожертвования на пополнение музейных коллекций.

После смерти Элизабет Халлонблад весь дом отошел по завещанию Краеведческому музею и библиотеке. (Это здание сохранилось и доныне, сейчас в нем размещен социальный приют для детей).

Помощь бедным и нуждающимся.

Супруги Халлонблад хотели способствовать развитию народного образования и просвещения в Карелии, но вместе с тем и оказывать помощь бедным, больным и нуждающимся.

В 1888 году на территории своего поместья Сомероя в Рюттю они открыли первый в Сортавальском уезде Дом призрения для бедных. Сначала он вмещал 50 человек, но нуждающихся было гораздо больше. Тогда решили его расширить, и в 1892 году дом мог вместить уже 130 человек. На участке земли площадью 1,5 гектара были построены дом для престарелых и неимущих, психиатрическая больница, детский приют, ферма и конюшня. На эти цели Халлонблады пожертвовали 5000 марок и еще 2000 марок обещали выплачивать ежегодно на содержание учреждения. Они завещали городу свое поместье Сомероя вместе с постройками и недвижимым имуществом, а также 80 000 марок, проценты с которых должны были идти на содержание Дома призрения.

За свою благотворительную деятельность Г.Халлонблад получил благодарность и признание уже при жизни. Он упоминается в изданном в 1880 году биографическом справочнике Biografinen nimikirja среди самых выдающихся деятелей Финляндии. За свои заслуги перед народом и меценатскую деятельность он получил в 1888 году титул государственного советника. Умер Г.Халлонблад от тяжелой болезни сердца в 1894 году.

Элизабет пережила своего супруга на 13 лет и после его смерти продолжала заниматься благотворительностью. В 90-е годы она сделала значительные пожертвования для основания в Сортавале школы для глухонемых детей, 10 000 марок подарила на нужды открытой в 1885 году больницы для бедных - т.н. больницы сестер милосердия при Евангелическом общес-

тве, а в 1906 году - 14 000 марок на строительство в городе Сортавала детского дома.

Через 2 года после смерти Элизабет, в 1909 году, вступило в силу совместное завещание супругов Халлонбладов. Помимо огромных сумм, подаренных ими Финскому обществу искусства и двум высшим учебным заведениям Хельсинки, город Сортавала получил 50 000 марок, ежегодные проценты с которых должны были бы пойти на нужды бедных.

Оба супруга умерли и похоронены в Сортавале, в их уникальном фамильном склепе, который Герман Халлонблад построил для себя и своей жены. По его желанию склеп установлен на границе участков кладбища: одна половина его на лютеранском, другая - на православном.

Что побуждало супругов Халлонблад делать такие огромные пожертвования на благотворительность? Очевидно, истоки этой деятельности коренятся в обстоятельствах жизни (Элизабет лишилась матери в 3-х летнем возрасте, и у нее самой не было детей), активной общественной позиции, патриотизме и характерах супругов. В определенной мере проливает свет на отношение Германа Халлонблада к роли мецената некролог на его смерть, опубликованный в сортавальской газете «Laatokka» от 24.2.1894:

“Да, Халлонблад был богат и пользовался всеми удовольствиями жизни. Но заслуживает уважения то, что он не делал культа из денег и щедро делился своим изобилием с окружающими. И это желание помогать другим было у него в крови. Наверняка, если бы лишить его этой возможности, он не чувствовал бы себя счастливым. Он делал свое благородное дело не из-за тщеславия и желания выглядеть исключительным, а просто потому, что не мог этого не делать”.

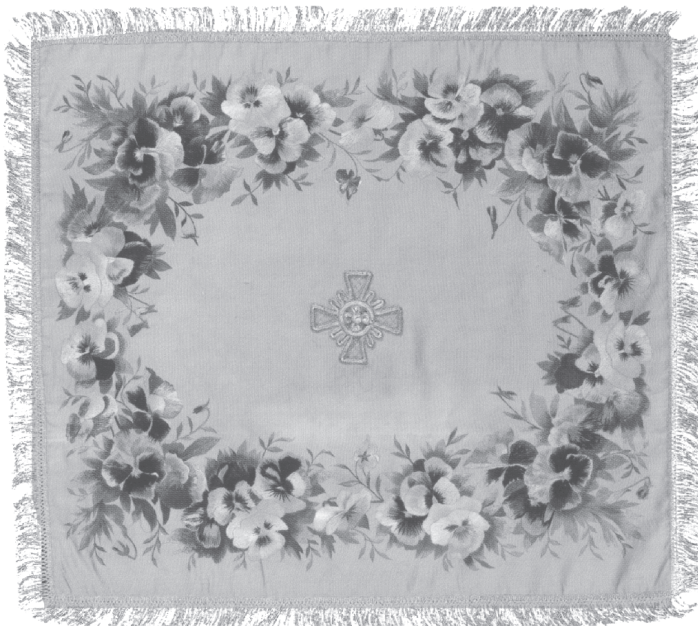
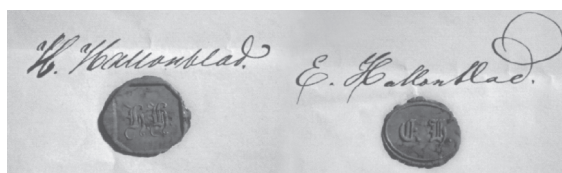
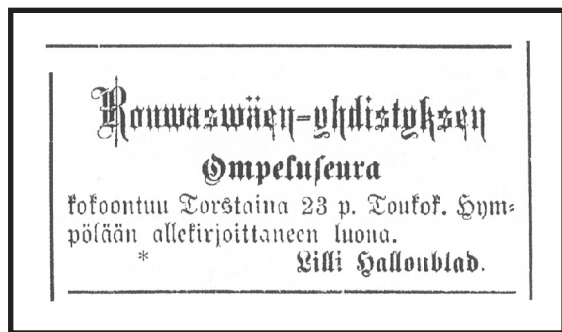
Зайцева Н.И.

Сотрудница Центральной городской библиотеки г. Сортавала

иллюстрации:

(слева) - объявление о курсах рукоделия ("Laatokka" 1889г.);
- образец подписей и печатей Халлонбладов;

(справа) - салфетка работы Элизабет Халлонблад

Анна Матасова

Анна Матасова, она же Анна Воронова, она же Урсула Дар.

Пишет повести для подростков, стихи, детские стихи. Училась, прогуливая лекции и получала диплом в Петрозаводском педагогическом университете. Живет в Карелии, в городе Питкяранта. Лауреат премии имени Юрия Кузнецова (2007), лауреат Международного литературного фестиваля имени М.А.Волошина (2009). Книги, выходившие под псевдонимом Анна Воронова: «Медовый вечер» (2007, М., «Эксмо»); «Самая главная роль» (2008, М., «Эксмо», переиздавалась под названием «Барышня и два принца»); «Горький шоколад» (2009, М., «Эксмо»); «Сердце зла», «След оборотня» (2009, М., «Эксмо»). В 2009 году вышла первая книга стихов - «Медвежья Гора». Стихи печатались в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Наш современник», «Север», «Новое время», «Луч». Детские стихи печатались в журналах «Кукумбер», «Маленький садовник», «Север».

О себе.

Родилась я в те времена, когда звезды были маленькими, а глаза у меня большими-пребольшими. С тех пор прошло много лет, глаза у меня уменьшились, а звезды, наоборот, подросли. Может потому, что я переехала жить на север? В Карелию, в город Питкяранта. А в детстве жила в городе Медвежья Гора. Везло мне на такие названия. А родилась я в прекрасном городе Рига, который вообще не город, а сказка с туманами, каштанами, ленивыми кошками и серебристой рыбкой салакой. В детстве я собиралась стать огромной говорящей собакой. Я бегала по квартире на четвереньках и хватала за ноги маму и папу. А ещё - лакала воду из миски. И грызла ножку стола. Удивительно, что я вообще выучила буквы. Много вы видели

огромных собак, с букварём в лапах? Вот то-то и оно. Но, в результате, я стала не собакой, а писателем, потому что очень люблю книжки. И грызу теперь не стулья, а карандаши.

А еще я люблю фотографировать. Все окрестные кошки и собаки знают меня в лицо. А я их - в морды. Да что кошки! Все шмели и бабочки на огороде машут мне лапами и позируют для моих фоторабот. Так что, в свободное время я или гоняюсь за кошками, шмелями и кузнечиками, или езжу на поэтические фестивали, где гоняюсь с фотоаппаратом за поэтами, или читаю стихи. Сами понимаете, при таком свободном времени, рабочего у меня уже почти не остается.

И книжки я пишу редко. Но я стараюсь.

Где вишня с горчинкой дрожит над лохматым гнездом
Ножом перочинным царапаю призрачный дом -
Барак одряхлевший у самого сгиба реки,
Безумный скворечник, в котором поют старики.

Белёсые дети, летучее – дзинь! - комара,
Рыбачьи сети, ловившие только ветрА,
Луны золотинки и крылышки божьих коров,
Хрустящие льдинки под крышей сарайки для дров.

Я прыгаю в луже - дожди никогда не умрут,
Из рухнувшей стужи прискачет грибной баламут,
Мы прыгаем рядом, пускаем вдвоем пузыри,
Он делится взглядом – и ты никогда не умри!

Бессмертные танцы – дождливое детство взахлёб,
Отцовское пьянство, звездой поцарапанный лоб,
Собачья пробежка, колющие капли с куста,
Родная ночлежка, сквозная хребтина моста.

А вниз перегнёшься – ленивой реки ширина,
Которой напёшься, лишь выхлебав душу до дна,
Вернёшься, шатаясь – всё тот же знакомый барак,
Внутри никогда, никогда, никогда не кончается мрак.

А там тебе скажут – у печки присядь, отдохни,
Сожги свою тяжесть, свои поседевшие дни,
Лошадку качни и начни среди новых планет...
Внутри никогда, никогда, никогда не кончается свет.

Из книги «Медвежья Гора»

Кто на древней земле, кто бредет по дороге к дому,
где война на войне громоздится железным ломом,
где крыло на крыло или, может - сугроб в сугробе,
где звезда наголо над могилой в бетонной робе.

Захрустит заберег, да потянет кровавым духом,
полуволок-человек настороженным дёрнет ухом,
кровь залижут ручьи, растворят хрустали-озёра,
взвоят души ничьи с безнадёги да с беспризора...

И пойдёт ребятня собирать молодые кости,
комарами звеня лес шагнёт к человеку в гости,
похоронят потом вперемешку в одной могиле –
спи в обнимку с врагом, ваши ангелы всё забыли.

Лишь слепая земля, вереница певцов былинных,
языками меля с невозможных мостов калинных,
опалённый родник оградит веков валунами,
только розовый лик с чёрных досок вздохнет над нами.

Отогреет она, отпечалит из красной глины,
из последнего сна расцарапает в куст малины,
чернозёмный ломОть поднесёт на тёплой ладони -
упокоится плоть, полетят золотые кони.

Так забытый солдат прорастает потом в ребёнке,
или выжженный сад снова яблоней гнётся тонкой,
так смеётся страна, так судьба заплетает нити,
умирает война, умирает война – живите.

Питкяранта - Длинный Берег

-1-

Алексею Королеву
Тёмное время сада.
Выйди - разбери:
Яблочная помада
По ледяной груди
Неба - чертой, штриховкой...
А на краю огня
Месяц - косою подковкой
Смывшегося коня.

Первый комар, подлиза,
Дзенькает у скулы,
Озеро - словно линза
Прапервобытной мглы.
Не наклоняйся ниже! -
Выманит в никуда
В дырах созвездий крыша,
Дырами глаз - вода.

Лучше найди другую
Ссылочку, "вечность ру",
Бусину кровавую
Жертвуя комару.

-2-

Питкяранта – длинный берег,
И - вдоль берега всего –
От завода до карьера
Сонной Ладоги стекло.

Угли рыжие заката,
Прогоревшие дрова,
Ночь медведицей горбатой
Обнимает острова.

И дрожит, дрожит дорожка –
Розоватая луна
Осторожно, словно кошка,
Лижет пенки с валуна.

Под зудящую пластинку,
Комариный говорок,
Жертвуй бусинку-кровинку
В тёплый северный пирог.

А в ответ тебе порцайку -
Золотой глоток звезды -
От щедрот плеснёт хозяйка
Медной ладожской воды.

-3-

Шарик шиповника - семечек стайки
В острых ворсинках теплая кожа,
Варит кисель поварёнок заката,
Морда собачья греет колено.

Счастье, как яблоко, брызгает сок
Ленью янтарной тело искрится,
В час, когда волком станет собака
Тень подкуёт разноцветное небо.

Мы землю зовем – чернозём,
А хлеб называем – чернышка.
Буханку берёт на излом
В мозолях рука-замарашка.

Он вкусный, когда с кислещой,
С дымком на запекшейся корке.
Такой не замесишь с ленцой,
Работу взвалив на закорки.

И пот в нём, и жар, и напряг,
И песня, дрожащая зыбко,
Улыбки простых работяг,
Ответная Бога улыбка.

От Господа – хлеб и земля.
Единой присыпаны солью
Краюхи, ломОть, поля -
С кислинкой, с кровавинкой, с болью.

Покуда огонь не погас
Не будет беды-лихоманки,
Ведь даже могилы у нас –

-4-

Одуванчик жёлтый,
Жёлтый одуванчик...
Временем потёртый
Старенький диванчик.

Длинный-длинный берег
Рыбья кость завода,
Вечерами – телек,
Опиум народа.

Дранные хрущёбки,
Гаражи, сарай -
Ржавые заклёпки
Квашеного рая.

Городок на свалке
Мировых событий -
Лодки и русалки
В ладожском корыте.

Счастье – это просто.
Потянулись годы
Для ребёнка – роста,
Для меня – свободы.

Сдует неумело
Толстощёкий мальчишка
Одуванчик белый,
Белый одуванчик...

стихи для малышей

АЗБУКАШКИ ИЛИ КОСТИНА АЗБУКА Азбукашки.

Жил-был мальчик Костя. И была у него мама Аня (это я). Жили они вместе долго-предолго — целых четыре года. И вот, в один прекрасный дождливый день, Костя сказал:

- Я кашу каждый день ем, вырос уже большой и даже немножечко пребо-
шой! А читать до сих не умею!

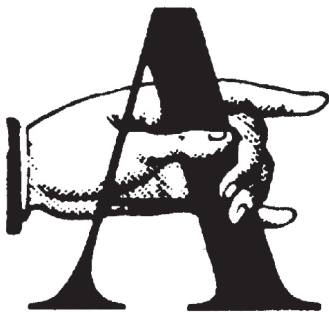
- Хорошо, - ответила я, - давай учиться. Залезли мы с ногами на диван и откры-
ли БУКВАРЬ.

- А я знаю эти буквы! — закричал Кос-
тя, - они похожи на букашек из бабуш-
киного огорода! Так мы с ним сочини-
ли первый стишок:

АЗБУКАШКИ.

Что за чёрные букашки
На страницах букваря?
Это — буквы, АЗБУКАШКИ,
Тридцать три — от А до Я!

Стали мы дальше учиться читать, а
одновременно сочинять КОСТИНУ
АЗБУКУ. Иногда он стишок сочинял,
иногда - я.

БУКВА А

- Смотри, Костик, есть страны, кото-
рые называются на букву А - Америка,
например, Австралия...

- А есть страна Апельсиния, где рас-
тут апельсины? - заинтересовался
Костя. Так мы сочинили стишки про
Вкусные Страны.

А - Арбузия и Апельсиния.

У глобуса на пузе я
Ищу страну Арбузию!
Вот горы, море синее...
А где же Апельсиния?

А - Ананасия.

Я тут по карте лазаю,
Хочу спросить у вас -
Найдите Ананасию,
Большую Ананасию,
Большую Ананасию,
Где вырос АНАНАС!

А - Ага.

- У бабы Яги костяная нога?

- Ага!

- У крокодила растут рога?

- Ага!

- А хочешь, я прыгну до потолка?

- Ага!

- И будем дальше валять дурака?

- Ага!

А - Анекдот.

Прыгнул однажды в аквариум кот -

Вот приключился с котом анекдот!

Плюхнулся следом и я за котом...

Над анекдотом смеялся весь дом!

А - Автопортрет

- Аня, смотри, какой я автопортрет
нарисовал! Одна голова с одним гла-
зиком!

БУКВА Б

Свой первый стишок
Костя написал про
баню, которую построил
наш папа.

Вот какой это был стишок:

Барабань-бань-бань -
ах, какой чудесный бань!

Б - Баня

- Бездомные - это те, у кого дома нет.

А мы - сдомные! У нас целых три дома

- сарай, будка и баня!

*

В БАНЕ кто живет внутри? -

Ковшик, мыло, пузыри,

Жаркий веник на полке,

И мочалка в кулаке.

Хулиган сидит в тазу

С белой пеной на носу,

С моською лучистой —

Чистый, чистый, чистый!

Наш Костя очень любит задавать раз-
ные вопросы. Однажды он спросил у
папы:

- Папа, а ты на стройке работаешь?

- Да! - ответил папа.

- Ты - бетономешалка? — уточнил
Костя.

Б — Бетономешалка

Бетономешалка — огромная бочка,

В ней — куча цемента, воды и

песочка,

Всё это строитель смешает потом

И будет на стройке отличный

БЕТОН!

*

Костя, конечно, немного расстроил-
ся, что его папа - не бетономешалка и
не экскаватор, и даже не огромная
бочка, а обычный строитель. Зато он
спел нам специальную бетономе-
шалкину песенку. Вот такую:

А бетономешалка вперёд и вперёд
По полям, по болотам идёт!

А Эдуард Успенский, с которым мы
встречались, ее дописал:

Скажи, бетономешалка -

Тебе природы родной не жалко?!

Б - Башня

Прискакал однажды Костя ко мне на
кухню и зашептал:

- Аня, там папа отличную башню из
кубиков построил... Бежим скорей её
разломаем, пока он не видит!

Б - Бык

Бык пришёл.

Сказал мне - Му-у!

Посмотрел сердито...

И с улыбочкой ему

Я пожал копыто!

Б - Бабушка и борода

Пришел как-то раз Костик к своей
подруге Насте. А она его и
спрашивает:

- Котик, ты к дедушке в гости ездил?

- Ездил.

- А у него борода есть?

- Есть!

- Длинная?

- Длинная-предлинная!

Настя посопела завистливо и говорит:

- А у нашей бабушки всё равно длиннее!

БУКВА В

Засиделись мы с Костей на
диване, учили-учили
новые буквы, смотрели-
смотрели картинки, и вдруг
он сердито пробурчал:

- Мама, мне нужна вторая голова, в
одну всё не лезет!

В - Вторая голова

Я сидел, учил слова —

Вдруг устала голова!

Азбуку листаю, а голова — пустая!

Видно, мало головы,

Чтобы запомнить все слова!...

Я переживаю, что мне нужна вторая!

В - Воробей

Читали мы с Костей книжку:

- Жила-была девочка, и был у неё уса-
тый, полосатый...

- Воробей! — брякнул Костя.

- Но разве бывают полосатые

воробы?

- Бывают! Это воробы-зебры.

В - Воздушный шар и

Воздухоплаватель

Солнышко.

Небо.

Трах-тарарах!!!

Страшно

Летать

На воздушных шарах...

В - Велосипед

Вы видали, что мне дали? -

Руть, звонок и две педали!

И не ждите до обеда,
Чтоб я слез...
(с велосипеда!)

В - Враги

- Мама, отведи меня в спортивную школу - будем там бегать и драться! От одних врагов убежим, других побьем!

БУКВА Г

Вертели мы с Костей большой разноцветный глобус. Я говорю:

- Костик, смотри - вот наша страна, вот наше озеро...
- Аня! - перебил меня он, - Ты мне лучше покажи на глобусе, где наш диван стоит!

Г - Глобус

На глобусе, на глобусе
Так много разных стран!
А я хочу на глобусе
Увидеть свой диван!

Г - Гоблины

- Костя, ты знаешь, кто такие гоблины?
- Может, это ходячие блины?

*

Кто пришел есть блины?
Это го-бли-ны!
Мне не жалко блина -
Хоть для го-бли-на!

Г - Гадик мелкий

Почему я мелкий гадик?
Я устроил водопадик...

БУКВА Д

Д - Дядя дятел

Вызвали мы однажды сантехника. Костик с недоверием выглянул в коридор и спросил:

- Кто там пришел?
- Это дядя мастер пришел, - ответила я, - Будет чинить кран. Хочешь, посмотрим?
- На дядю? Нет, не хочу! В это время сантехник в ванной постучал по трубе.

Костя задумался:

- Тук-тук... О! Знаю! Это - не дядя! Тут он выбежал в коридор и радостно завопил на всю квартиру:
- Здравствуй, ДЯТЕЛ!

*

Стучит весёлый дятел
По дереву:
Тук-тук!
Он щели конопатить умеет и без рук!
А тут какой-то дядя
Стучит: ту-ту, бу-бу!
Наверно, это дятел!
Конечно, это дятел!
Обычный ДЯДЯДЯТЕЛ
Уселся на трубу!

Д - (загадка)

Что такое вдалеке - на одной стоит ноге?

И над этой ногой машет сто одной рукой?

А на каждой на руке -
Тысяча ладошек,
А еще на нём сидит
Пара хитрых кошек?
(Дерево)

Д - Дождик

Дождик - ух!
Дождик - бух!
С каждой крыши дождик плюх!

Дождик дрыг!
Дождик брык!
В каждой луже дождик прыг!

Дождик - ах!
Дождик - бах!
Дождик в мокрых сапогах!

БУКВА Е

- Мама, а мы есть в доме?
- Есть.
- А зачем?

Е - Егоза

Что такое Егоза? -
Руки, ноги и глаза!
И растрёпанный вихор,
И вопросов целый хор:
- Что?
- Где?
- Как?
- Куда?

В общем, граждане, беда!
На месте не сидится
Ужасной Егозе,
А только егозится,
Как белке в колесе:
То брыкнется,
То прыгнется,
То в луже загрязнится!
То всхлипнется,
То влипнется,
То ну давай дразнится:
Егозила-егоза
Изъелозила глаза,
У тебя - глазищи,
Сам ты - Егозище!

БУКВА Ё

Добрались мы до буквы Ё
и вместе сочинили такой
вот стишок:

- Точки две над буквой Ё...
- Это глазки у неЁ!

Как-то раз Костя спросил:
- Мама, а Ёкарный Бабай - это что за зверь?

Ё - Ёкарный Бабай

Неизвестен мамам-папам
Ёкарный Бабай,
Но сидит во тьме под шкапом -
Ёкарный Бабай,
И храпит ужасным храпом

Ёкарный Бабай!

Кто стащил у нас конфетку?

- Ёкарный Бабай!

Кто качает нашу детку?

- Ёкарный Бабай!

Баю-бай, баю-бай, поскорее
засыпай!

Баю-бай, баю-бай, здравствуй,
Ёкарный Бабай!

Ё - Ёлки-палки

Кошка - рыжая нахалка -
Съела нашу колбасу...
Папа крикнул:
- Ёлки-палки!

Хоть мы были не в лесу.

БУКВА Ж

Ж - Жила-была...

Решили мы с Костей
сочинить сказку. Я начала:
- Жила-была курица...

Костя радостно подхватил:
- И звали её - Лысый Блин!

Ж - Жучок Жужжан Жужжаныч

Жил жучок Жужжан Жужжаныч -
Жамечательный жучок!
Как-то раз Жужжан Жужжаныч
Влез ко мне в грузовичок,
Вытер пятнышко на спинке
И солидно прожужжал:
- Я зелёные травинки,
Словно бревна разгружал!
Ох, устал сегодня шибко,
Хоть обычно я не слаб...
Я пожал ему с улыбкой
Шесть рабочих жёстких лап!

Ж - Жара

Сегодня в городе с утра
Стояла жуткая жара...
А на жаре положено
Не суп есть, а морожено!

Ж - Жучка

В будке - круглый чёрный лаз,
Там сверкает красный глаз...
- Это Жучка?
- Нет, Годзилла!
- Ой, спасите, укусила!!!

БУКВА З

З - Закорючки

У меня сегодня ручки
Выводили Закорючки,
Вся тетрадка для письма
Закорючная весьма!

З - Заковырки

Заковырки выковыриваются,
Но, увы, не выговариваются!

З - Злость

Вот какой стих сочинил Костя, когда
укусил сам себя за палец:
Я грозился, я грозился...
И от злости укусился!

З - Зонт

В темных тучах громыхая
К нам погода шла плохая,
Я с погодой не ругался,
Я ничуть не испугался,
Поглядел на горизонт -
И залез под мамин зонт!
Вместе скачем мы по лужам -
Плюх-шлёп,
Плюх-шлёп!
Мы с любой погодой дружим -
Плюх-шлёп,
Плюх-шлёп!
Ну, а если гром снаружи -
Плюх-шлёп,
Плюх-шлёп!
Мы припустим во весь дух -
Шлёп-плюх,
Шлёп-плюх!
Я в любое время года
Вам поведаю о том,
Что хорошая погода
Есть у мамы
Под зонтом!

БУКВА И

- Мама, а инопланетяне -
они очень страшные?
- Ну, говоря, они разные
бывают. Бывают как зелё-
ные человечки, а бывают -
с щупальцами, с горящими глазами...
- А ты их видела?
- Нет, никогда.
- А я, если встречу, скажу им -
здрасьте, чудища! Как дела?

И - Инопланетяне

Зубы, щупальца с когтями,
А в глазах мигает свет -
Это ИНОПЛАНЕТЯНЕ...
Здрасьте, чудища, привет!

И - Интернет

Все что знают на планете
Уместилось в Интернете!
Интер-интер-интернет -
Интересней штуки нет!

БУКВА Й

Й - Йогурт

- Костик, я тебе купила
живой йогурт, возьми в
холодильнике!
- А он меня не укусит?

Я задумался впервые
Если йогурты живые -
Вдруг они кусаются,
На людей бросаются?
Оказалось, что они
Вкусные, не страшные!
Ведь не дикие они,
А вполне домашние!

Й - Йети

Знают взрослые и дети,
Что уже который век
По планете бродит йети -
Очень снежный человек!

Он со снегом и морозом
Открывает закрома,
Вот тогда уходит осень,
И начинается зима!

БУКВА К

К - Костя

Костя давным-давно вы-
учил первую букву своего
имени - букву К. На К начинается много
хороших слов. Например - конфеты, ка-
чели, кино... И ещё хорошее слово "кра-
казёбла". А у вас какая любимая буква?
*

- Далеко, далеко, на лугу пасётся ко...

- Правильно, Костя!

*

Как-то раз, за обедом я разливала суп
по тарелкам и приговаривала:

- Кушай, Костик, вырастешь большой-
пребольшой...

Тут он отложил ложку и спросил:

- А наш папа - большой?

- Да.

- А ты, мама, тоже большая?

- Да.

Костя подумал и мрачно заявил:

- Вам нельзя больше кушать!

*

- Папа, тебя шоколадкой угостить?
Бабушка, тебя угостить? Тогда я Костика
угощу. Все, спасибо, я самоугостился!

К - Костина колыбельная, где всё на К

Каша в кастрюльке кипит,
Клоуны крутят кульбит,
Курица клюнула корку,
Кошка крадётся в каморку,
Кролик качается в клетке...
Косте купили конфетки!

К - Комар

Прилетел комарик. Костя помахал
руками - не улетает.

Тогда он быстренько выпалил:

- Давай дружить? Дружья не кусают
друг друга!

Что сказать о комарах? -

Только ох!

Только ах!

По квартире до утра

Мы гоняли комара.

Раздавалось здесь и там:

Кыш!

Бах!

Шлёп!

Бам!

Раздавалось там и здесь:

Брысь!

Бум!

Хлоп!

Тресь!

А комар зудел:

- Зу-зу!

- Всех поймаю! Загрызу!!!

Вот теперь я верю,

Что нет страшнее зверя!

К - загадка

Летит - дзинь-дзинь!

А сядет - сгинь!

Кого он лопает, тот ему и хлопает.

(Комар)

К - Котлета

Как солнце, как лето

Явилась ко мне

Большая котлета

На хлебном коне!

Я слопал котлету

И слопал коня,

И солнечно стало

Внутри у меня!

БУКВА Л

Л - Лужа

Однажды я спросила:

- Скажи-ка, Костик, с
кем ты дружишь?

- Ты, мама, мой самый большой под-
руг, - важно ответил Костик, - а ещё
Настя и Тася, и крылатый волк Басёк,
и поэт Лёв Королёв...

Тут он подумал и добавил:

- А ещё я дружу с лужей у подъезда!

*

Разлеглась у входа лужа,

Греет лужа мокрый пиз...

С этой лужей очень дружит

Костя-хвостя-карапуз!

Прекрасно в ней возЮкаться,

Зююкаться-грязюкаться,

Буль-булькаться,

Плюх-плюхаться,

Шлёп-шлёпаться

И хрюкаться!

Прыгать, брызгаться, вопить...

И мамин зонтик утопить.

Л - Любовь

Как-то раз захотелось мне нарисовать

Любовь. Какая она, думаю, эта

Любовь? Золотистая и лёгкая, как оду-

ванчик? Глубокая, как лужа у подъез-

да? Сладкая, как разноцветные

леденцы? Горячая, как закипающий

чайник? Пушистая, как наш щенок?

Или незабвенная, как расцарапанная

коленка? Тут прискакал с дачи Костик,

залез мне на шею и сказал:

- Любовь - это когда все дружат! Папа

и мама, щенок и лужа, одуванчики и

солнце, я - и разноцветные леденцы!

*

Папа любит маму,

Буквы любят книжку,

Солнце - одуванчик,

А кружка - молоко!

Мама очень любит

Своего мальчишку,

С ним легко смеяться

И грустить легко!

БУКВА М

М - Мама

- Мама, ты лошадь?
- С чего ты взял?

- Ну, ты же стучишь
копытами по ночам...

*
- Откуда пух в комнате?
- Это наша мама в ангела превращается...

*
- Мама, ты большая?
- Да.
- А я – маленький?
- Да, пока маленький. Но ты обяза-
тельно вырастешь...
- И стану мамой?
- Нет, Костя, ты – мальчик, поэтому
станешь папой.
- Я лучше тогда бабушкой стану!

*
- Я знаю, кто все успевает! Гоночные
мамы, вот кто!

*
- На страт, внимание, мать!

М - Мама путешественника

Я прошёл дремучий лес,
На большую гору влез,
Я шагал по морю вброд,
Брёл сквозь дикий огород,
Через пропасть строил мост,
Льва таскал за рыжий хвост,
Я сидел в ужасной яме...
А потом вернулся к маме!
Мама, я блуждал по свету,
Съел последнюю конфету,
Перемазался, промок...
А теперь пришёл домой!
Мама мне ответит:

- Чмок!
Путешественник ты мой!

М - Мороженное

Костик заглянул в холодильник и веж-
ливо попросил:

- Дорогое мороженное, пожалуйста,
потеплей!

*
Отчего мороженное жутко отмороженное?

М - Манёвры и нервы (скороговорка)

Машина маневрировала-
маневрировала,
Да не выманеврировала,
Потому что мама папу за рулём
нервировала-нервировала,
И вдруг как вынervировала!

М - Монстры

Ой, до чего ужасны МО - с кровавыми
глазами!
Ой, до чего ужасны СТРРЫ - с когтями,
с волосами!
Ой, до чего ужасны МО - с колючими
шипами!
Ой, до чего ужасны СТРРЫ - с огром-
ными зубами!

Они засели по углам,
Они во тьме таятся...
А почему не лезут к нам? -
Да просто нас боятся!

М - Милиция

Костя играл со своей подружкой Тасей в
милицию и кричал:

- Милиция всегда ездит вот так: мау-
мау-мау!

- Нет! – кричала в ответ Тася, - вот
так: миу-миу-миу!

М - Могильный Памперсон

Как-то раз Костя сочинил новую песенку.
- Только ты, мама, сразу не убегай, -
предупредил он, - ведь это очень
страшная песенка! И спел:

- Снился мне ужасный сон про Могиль-
ный Памперсон!

Я не убежала, а, наоборот, заинтересо-
валась:

- А что такое Могильный Памперсон?

- Да так, - туманно пояснил Костя, -
ужасная такая штука... Иногда снится.

БУКВА Н

Н - Ногти

- Папа мне уже вычистил
ногти и постриг уши!

Н - Носки

От простуды и тоски
Нас с тобой спасут носки!
Быстро ноги ледяные
Сунь в носочки шерстяные -
Кусачие, колючие и очень щекотучие!
Кто в носках хохочет –
То болеть не хочет!
Кончилась простуда -
Вот такое чудо!

Н - Ножик

- Мама! Можно я ножиком порежу муху?

Н - Невезенье

Целых семь дней в неделе – и только
одно воскресенье!
Это ведь, в самом деле, ужасное неве-
зенье!

Н - Нос

Как-то встретил я осу
Прям на собственном носу!
Драгоценная оса,
Слазьте с этого... с носа!
- Не с носа, а с нОса!
- Не осА, а Оса?

Н - Наказанье

Костя нахулиганил. Я вбежала в ком-
нату и сделала зверское лицо:
- Ай-яй-яй! Что ты наделал! Сейчас по
попе получишь! Где попа?!
Костя быстренько сел на диван:
- Всё, мама! Попа спрятана!

*

БУКВА О

О - Опечатки

Чита-таю учку гник,
Очно вумным стану вмиг -
Эти оче... эти пятки... -
Очень прыткие ребятки!

О - Огорчитель

Огорчитель заскочил -
Очень горько огорчил!
Быстро печат огорченье
Шоколадка и печенье!

О - Очки и мама

Мама вдруг
С дивана встала,
И сказала:
- Потеряла!
Потеряла я очки!
Ой, спасите, мамочки!!!
Я на крики прибежал -
Долго маму утешал,
Я сейчас найду очки
Мамы-мамы-мамочки!
Рядом с книжкой на диване
Я заметил блеск стекла,
Я сказал об этом маме,
Мама, прямо расцвела:
- Молодец! Вот это дело!
Углядел!
Спа-си-бо-чки!
Засмеялась и запела,
И, конечно, тут же села,
Очень бодро мама села -
Села
Прямо
На очки!

БУКВА П

П - Папа

Шли мы с Костей и папой по
тёмной улице. Вдруг из тем-
ноты выпрыгнула маленькая собачка и
залаяла на нас взахлёб. Следом за ней
выпрыгнула хозяйка и замахала руками:

- Не бойтесь, не бойтесь, она совсем
не кусается!

- А у нас папа, зато, кусается! – пред-
упредил Костя.

*

- Мама, папа болеет?
- Да...
- И ты его лечишь?
- Да...
- И долго будешь лечить?
- Да...
- А давай его лучше сразу уьём?

*

- Папа, я воин! Вот я тебя стукну!
Своей палочкой-вырубАлочкой!

П - Папа-кактус

Однажды Костик погладил папу по
небритой щеке и как завопит:
- Мама, наш папа стал колючий! Он
теперь, наверно, кактус! Мы же его все
равно из дома не выгоним, правда?

Папа наш совсем не злючий,
 Но немножечко колючий,
 Что за жуткая картина -
 У него растёт щетина,
 Проведёшь по ней рукой -
 Ой, колючий-то какой!
 Папа с этим борется,
 Но щетина колется!
 Утром сбреет с мыльной пеной -
 Снова возвращается...
 Это папа постепенно
 В кактус превращается!
 Все равно, он нужен маме -
 Пусть живет у нас в горшке,
 Весь утыканный шипами
 И с цветочком на башке!
 Я уколы потерплю,
 Я водой его полью:
 Раста папа большой-пребольшой, не
 будь зеленой лапшой!

П - Подкроватный Загрызун

Под кроватью он сидит,
 Он ужасен и сердит!
 Прячет мячики внизу
 Подкроватный Загрызун!

П - Подушка

У меня в руке подушка - по макушке
 попадушка!

П - Поровну

- Давай, мама, конфетку поровну под-
 елим. Мне - большая половина, а
 тебе - маленькая!

БУКВА Р

Р - Русский язык

Костя похвастался:
 - Мама, у меня во какой рус-
 ский язык! - тут он широко разинул рот,
 - Во какой длинный!

*

Мой язык - он розовый,
 А русский - он березовый!
 Он ромашковый,
 Грибной,
 Разноцветный,
 Озорной!
 Я бегу тропинкой узкой
 К ясной солнечной реке,
 И пою на самом русском
 Распрекрасном языке!

Р - Россия

- В нашей стране, в России, водятся бел-
 ки, сокровища, банки, еда, окушки, теп-
 ловозы, шишки, водопады и берёзы!

Р - Рыбалка

- Папа, там рыбы наш поплавок уже
 совсем заклевали!

*

- Да, я очень люблю рыб! Особенно
 жареную рыбку!
 Птичка - синица,
 Речка - Леденица,
 Рыбка - плотвица,
 Рыбка - окушок...

Рыбка-плотвица,
 Давай скорей ловиться!
 Из речки Леденицы
 Плыви ко мне в стихок!

Р - Ругательные Родители

Я редко Костику наказываю. Я, когда
 сержусь, обычно предупреждаю:
 - Так! Мама на тебя рассердилась!
 Сейчас буду страшно ругаться...
 - Ничего, бывает! - утешает меня
 Костик.

*

- Костя, какой у нас папа?
 - Ругательный какой-то.

Р - Ррык папин

Дрыг гонялся за мячом,
 Брык швырялся кирпичом...
 Но, заслышав папин ррык
 Убежали Дрыг и Брык!

БУКВА С

С - Самолёт

- Мама, смотри, какой боль-
 шой комар... Самолёт
 называется.

С - Семья

- Мама, спросил как-то раз Костя,
 - Почему это мы называемся СЕМЬ Я?
 - Вот смотри, - я пододвинула к нему
 тетрадку и стала рисовать - Видишь,
 цветок. А на каждом лепестке - стоит
 человечек и написано "я". Всего семь
 лепестков. Значит, вместе получится
 "семья".

- Все не так! - отверг Константин. Он
 нарисовал кружок и вывел в середине -
 "Я". Потом пририсовал к нему два
 лепесточка и криво написал на них
 "ма" и "па".

- А наши две бабушки?
 Костя пририсовал еще два лепестка.

- А дедушка?
 Появился лепесток-дедушка.
 "ШЕСТЬ Я".

Кого-то нам не хватало для полного
 счастья.

Как вы думаете, кого?

С - Суп

- Мама! Не забудь положить в суп
 килограмм воды!

С - Сон

Костя рано утром высунулся из кро-
 ватки и зашептал:

- Аня, ты спишь?

- Сплю, - честно ответила я, не откры-
 вая глаз.

- Тогда я тебе на голову подушку
 поставлю, чтобы тебе весело спать
 было!

*

Чтобы мама не скучала
 Надо прыгнуть на кровать,

И у мамы одеяло
 Поскорее отобрать!
 И швырнуть в неё подушкой
 С преогромной высоты...
 И, вдобавок, вылить кружку
 Газированной воды!
 Всё равно ведь не проснётся,
 Приоткроет глаз на миг,
 И спросонья улыбнётся:
 - Ты мне снишься, озорник!

С - Смородина

Мы с Костикум сочиняли стишок:
 - Выросла смородина...
 - Там, где огорожина!

*

С - (загадка)

Круглая, гладкая,
 Черная - сладкая.
 Гроздьями вислая,
 Красная - кислая.
 Нежная, спелая,
 Сочная - белая.
 Отвечайте без запинки -
 Что лежит у нас в корзинке?
 (Смородина)

С - Соображалка

- Ты соображаешь, что ты делаешь?
 Где у тебя соображалка?
 - Да так...дома оставил. Лежит там
 одна-одинокая...

БУКВА Т

Т - Тли на тополе

Лезли тли на тополи -
 и ногами топали!

Т - Телевизор

- Помогите!
 - Помогите! - раздается мамин всхлип.
 Караул!

Прилип ребенок!
 К телевизору прилип!
 Вроде мёдом не намазан, вроде клея
 - ни следа...

Но сынок прилип к экрану - и, похоже,
 навсегда!

Ведь бедняжке надо кушать, ведь
 давно пора в кровать...

Но бедняжку и камазом от него не
 оторвать!

Только папа, добрый папа,
 Знает, как прогнать беду...

Надо очень громко рывкнуть:
 - Я с ремнем уже иду!

Т - Трактор

- Мама, для чего нужен трактор?
 - Он пашет поле, сажает зерно, потом
 помогает собирать урожай...
 - И кашу готовит?

Т - Тундра и тюлендры

- Кто живет в тундре? В тундре живут
 тюлендры!

Т - Тадыр Пиратович

- Тадыр Пиратович - тоже есть такой человек...

БУКВА У

У - Указательный палец

Костя помахал у меня под носом пальцем и спросил:

- Почему указательный палец называют указательный?

И сам себе ответил:

- Потому что он сделан из указана!

У - Улица

- Костя! Ты знаешь, как надо переходить улицу?

- Да!

- Как?

- Тым-тым-тым, – и перешёл.

У - Ужасы

Папы и мамы,
Мама и папы,
Как говорится - здравствуйте!
Я расскажу вам,
Мама и папы
Про ужасы и про страсти!

Ужасно в кипящем котле пиццать,
Попав к людоеду на ужин...
Но еще ужаснее запрещать
Скакать босиком по лужам!

Ужасно монстры когтистой лапой
Скребут железный засов...
Но ужасней, когда отправляют спать
Ровно в девять часов!

Ужасно волки в лесу завывают
Разинув красные глотки...
Но ужасней, когда на меня надевают
Шерстяные колготки!

Ужасно мумии и скелеты
Танцуют, построившись в ряд!
Но ужасней, когда четыре котлеты
Пихают в меня подряд!

Папы и мамы,
Мама и папы -
Я вам рассказал про ужасы!
А теперь посмотрите,
Мама и папы -
Нет ли под вами лужасы?

У - Утюг

Я у мамы взял утюг,
Я по шкафу - тюк да тюк...
Ой, сейчас за эти тюки
Оторвет мне мама руки!

У - Уставшая дорога

Костя забирался на пятый этаж и жаловался:

- Какая эта дорога уставшая! Я на ней уже ужасно устал!

БУКВА Ф

Ф - Фыркало-Фуфыркало

Фыркало-фуфыркало
Сидело на шкафу,
Фыркало-фуфыркало
Говорило:

- Ф-фуууу!.

А Гавкало-Грызьявкало

Прыгало на шкаф,

Гавкало-Грызьявкало

Говорило:

- Гав!

Тут я сказал, как папа:

- А ну-ка помирись!

Быстро пожмите друг другу лапы

И больше не деритесь!

И Фыркало-Фуфыркало

Спрыгнуло на стул,

Фыркало-Фуфыркало

Согласилось:

- Мурр!

А Гавкало-Грызьявкало

Стукнуло хвостом,

И большую косточку

Принесло потом!

Ф - Форточка

Для чего

На окошке

Приделали

Форточку?

Чтобы кошка

Могла

В неё высунуть

Мордочку!

Ф - Фантик

Если на конфетке бантик –

Это фантик!

Ф - Фантастика и Фантазия

То, что я посмотрел подряд тридцать
три ужастика – это Фантастика!

А то, что теперь на шкаф я от
монстров лазаю – это Фантазия!

БУКВА Х

Х - Холодильник

Х - Муравей живет в муравей-
нике, свет - в лампочке, сказ-
ки - в книжках, огонь - в печ-
ке, а Покроватный Загрызун - под кро-
ватью...

- Костик, а в холодильнике кто живет?

- Дураки какие-то...

Есть на кухне белый ящик,

Мёрзнет я в ящике еда,

Дед Морозик настоящий

Там ночует иногда!

Он откроет свой мешок - и внутри идёт
снежок,

Поколдует осторожно - и получится
мороженое. (Так вот откуда берётся
мороженое в морозилке!)

Х - Хрёнок

- Кто хрю-хрю кричит спросонок?

Ну конечно...

- Это хрёнок!

Х - Хрен

Если горький хрен жевать -
снова, снова, снова...

То, минуток через пять, станет так
хреново!

БУКВА Ц

Ц - Цветущий луг

Взять бы миску пауков

Вместе с тазиком жуков,

Да ведёрко мурашей

Вместе с парочкой стрижей,

Кружку полную стрекоз,
Две кастрюльки диких ос,
Три стакана мотыльков,
Пять коробок червячков,

Да ромашек целый стог,
Маков пламенных чуток,
Желтых лютиков копну -
В кучу вывалить одну!

А потом пчелиный рой
Сверху высыпать горой,
Чтоб жужжало всё вокруг -
И готов...

Цветущий луг!

Ц - Целый день

Во дворе вопить и топать,
Мульти-пультики смотреть,
Как хомяк, конфетки лопать,
И буянить, как медведь!
Кувыряться и качаться,
С горки прыгать, как олень...
Вот чем нужно заниматься
Человеку целый день!

Ц - Царапина

Я скакал-скакал-скакал,
Поскользнулся - и упал!
Я разбил себе колено!
Завываю, как сирена:
У меня царапина - караул, спасите!
Вызовите «Скорую»!

К доктору несите!

Ой-ой-ой!

Ай-ай-ай!

Всё по новой повторяй:

У меня царапина - караул, спасите!

Вызовите «Скорую»!

К доктору несите!

Ой-ой-ой!

Ай-ай-ай!

Всё по новой повторяй...

Тут папа рявкнул:

- Не вопи!

Подорожник прилепи!

БУКВА Ч

Ч - Читатель

Костя часто мне говорит:

- Я вот научусь читать и
стану читателем!

Читателем-всехкнигперечитателем!
Хороше желание!

Я, помнится, в его возрасте собиралась стать огромной говорящей собакой. Я бегала по квартире на четвереньках и кусала за ноги маму и папу. А ещё - лакала воду из миски. И грызла ножку стола. Удивительно, что я вообще выучила буквы. Много вы видели огромных собак, с букварём в лапах? Вот то-то и оно. Пожалуй, мне с Костиком повезло. Так же, как и ему со мной. Всё-таки я, потом стала не огромной говорящей собакой, а его собственной мамой!

Не хочу я быть гориллой - джунглей обитателем,
Не хочу я быть собакой - за ноги хватателем,
Не хочу быть самолётом - в облаках летателем...
Хочу я быть читателем,
Всехкнигперечитателем!
Я слушать целый день готов
Про небо и леса,
Про самолёты и волков,
Про мир и чудеса!
Ну, мама, почитай же мне ещё хоть полчаса!

Ч - Чудовище в Чаше

Идёт-бредёт по чаше
чудовище рычащее!

Ч - Чистые руки и Чернющие руки

- Аня, дай мне беленький платочек!
- Зачем?
- Не скажу! И руки свои чернющие ни за что тебе не покажу!

- Костя, руки чистые?
- Чистые! Я их после улицы облизал!

Ч - Четыре года

Когда у Кости было день рождения, он торжественно заявил:
- Аня, мне уже целых четыре года!
Зови меня теперь Константин Павлович!

У стола - четыре ножки,
У кота - четыре лапы,
У меня - четыре года,
Я - большущий человек!
У меня - четыре лета,
Полных солнечного света,
А еще - зимы четыре,
Где кружится белый снег!
Если влезу я на гору,
Ту, что выше всех на свете,
С четырех сторон подуют
Удивлённые ветра...
- Этот мальчик очень вырос! -
Скажут взрослые и дети, -
Ведь ему четыре года!
И начнут кричать - ура!

БУКВА Ш

Ш - Шорохи

Шла Шуршиха камышом,
Пошушукала с мышОм,

С Шебуршихой - ши-ши-ши! -

Ушуршала в камыши.

И всю ночь из камыша

Лезли шорохи, шурша:

Шар-Шарах, Шур-Шух и Шум,

И Большой Шурум-бурум!

Костик заглянул на кухню:

- Мама, я кушать хочу! Давай ты мне кашку сваришь, а то я уже жрать хочу, как свинья!

Ш - Шака-Шака (загадка)

Если в шАке-шАке

Долго копошиться,

С этой шакой-шакой

Трудно подружиться!

Хватит шаку-шаку

По столу мазюкать,

Надо шаку-шаку

Просто шукать- шукать!

То есть, извините, просто кушать- кушать!

Ш - Шоколадная глазурь

Шоколадная глазурь - для сладён и облизуль!

Ш - Шутки буквы Ш

Наш корабль попал на мель...

Шебуршится в кашке шмель!

Распускается пион...

Под кровать залез шпион!

В голове хранится ум...

От меня ужасный шум!

Улетает шарик в тучки...

Это что ещё за штучки?

В камышах сидела утка...

Буква Ш сказала:

Шутка!

Ш - Шкороговорка

Сла Шаса по сошше и шосала шуску!

БУКВА Щ

Щ - Щавелевые Щи

Вырос щавель в зеленом плаще -

Начинается щавель на Щ,

Чтобы сделать зеленые щи

Мы у щавеля щиплем плащи!

Щ - Щекотка

Все знают, что самое страшное оружие - не автоматы, не танки, не бомбы, а щекотка. Как говорит Костя:

- Щекотка - её даже пятки боятся!

Отчего сползли колготки,

Свитер вздыбился горой?

Я от вражеской щекотки

Отбивался, как герой!

Прыгал, дрыгал, извивался,

Папу за руки хватал...

Но потом, конечно, сдался -

И до ночи хохотал.

Щ - Щенок

Скорей принесите огромную миску,
Сложите котлету в неё и сосиску,
Колбаску, печенье и пару костей,
И стайку визжащих от страха гостей!
И кучу погрызенных кем-то ботинок,
И несколько вовсе ужасных картинок:
Допустим - подушку и грязные лапы,
Допустим - прокушенный палец у папы...

И кошку, бегущую со всех ног...

Получится очень счастливый щенок!

БУКВА Ы

Ы - пузыри

Дождь пускает пузыри в свете фонаря...

Буква Ы сидит внутри

Пузы-пузыря!

Тыква, сыр и пузыри
Прячут букву Ы внутри,
Отыщи её скорей
Между тыкв и пузырей!

Ы - кувырдак

Я нашел в диване дырку,
Колупнул её слегка...

А потом на дырку прыгнул -
Прямо со шкафа! С потолка!

Раз-два!

Три-четыре!

Прыг вот эдак!

И вот так!

Дыр-дыр-дыр - у нас в квартире

Получился кувырдак!

РасшЫрется дыра -

Продолжается игра!

Раз-два!

Три-четыре!

Прыг вот эдак!

И вот так!

Дыр-дыр-дыр - у нас в квартире

Получился кувырдак!

Тут диван возьми и тресни

Безо всякого стыда...

Вот такая, если честно,

Вышла с дыркой ДЫРУНДА!

Ъ и Ъ

Твердый и Мягкий - загадка

Вот два братца -
акробатца, два пузатых живота,

Твердый братец - он хвостатый,
мягкий братец - без хвоста!

Ъ и Ъ

Твердый Знак и Мягкий Знак

Никак не произносятся,

Но, конечно, к алфавиту

Всё равно относятся!

Например, Мягкий Знак в слове
“варенье”
Создаёт малиновое настроенье!
Ну а Твердый Знак в слове “съел”,
если разобраться,
Означает, что мама, наверно, будет
сильно ругаться...

БУКВА Э

Э - Эксперимент

Я намазал лапы кошке
клеем папиным
“Момент” -

Потому что я немножко проводил
эксперимент...

Э - загадка

Что за странная собака -
Закорючка без хвоста?
Целый мир на ней, однако,
Ездит в разные места!
(электронная почта)

Э - Этажи

Нет у нас в подъезде света -
Но совсем не страшно это.
Дверью – хлоп!
- А ну-ка, брысь!
- На ступеньках не споткнись...
Это точно был не наш -
Это первый был этаж.

Ой, какая темнота,
Наступили на кота...
- Мяааа! - несчастный завизжал,
Плащ у мамы затрещал...
Это тоже был не наш -
Это был второй этаж.

Дальше - хвост прижали псу,
Шум подняли, как в лесу,
Изо всех собачьих сил
Папа маму укусил...
Это наш или не наш? -
Это третий был этаж.

Бум-бум!
Бом-бом! -
Кто-то в дверь стучится лбом.
Папа врзался в соседа,
Но не вышла с ним беседа -
Все в один смешались ком,
Покатались кувырком!
Это был, конечно, наш -
Наш четвертый этаж!

До чего ужасный день!
Со ступеньки
На ступень
Покатился вниз комок
Из голов,
Хвостов
И ног!

- Гав и мяу!
- Спасите!
- Ой!
- Приземлился кто живой?
В темноте лежим уже

Мы на первом этаже...
Повезло же нам, ребята,
Что живем мы не на пятом!
Дверью - хлоп!
А ну встаём!
Продолжается подъем...
Веселей, народ, дыши -
Посчитаем этажи!

Э - Электронная страна

Электронная страна
Электронами полна!
Электроны-невелички
Ток везут на Электричке!

БУКВА Ю

Ю - Юг

- Смотри, Костя, птицы
полетели на юг, в тёплые
края...

- И медведи тоже полетели?

Ю - Юг

Наступила осень. Вымокли леса.
Перелётных мишек слышу голоса.
Вон они уселись прямо на сосну,
Хором заревели песенку одну.
Долго не забуду их прощальный рык...
Пусть деревья падают...
Я уже привык.

Где-то там, на юге, далеко от нас,
Будут мишки грустно лопать ананас...

Но когда растают на озерах льды,
Снова наши мишки прилетят сюда!

Лапами помашут, песенку споют,
На сосне берлогу новую сошьют!

Ю - Юра и Юля

Юра и Юля однажды в июле,
В брюках и юбке вышли во двор,
Юра и Юля однажды в июле
Влезли на хлипкий соседский забор.
Долго качался забор терпеливо,
По-стариковски трещал и скрипел...
- Тресь! - надломился...
И рухнул в крапиву!
Так что никто соскочить не успел!
В Юру и Юлю впились колючки,
Юбка - в лохмотьях, в брюках -
дыра...

Злюкой-зелёнкой и йодом-щипучкой
Мажет их добрая медсестра!
Юля и Юра воют от горя,
Щиплет царапки жгучая мазь...
Если ты тоже сидишь на заборе
Вспомни про них...
И тихонечко слазь!

БУКВА Я

Я - Я

Я - Костя! А ты кто?
Я - смотрите, это - я!
Буква главная моя!

Как-то раз Костя взял плюшевого
мишку, подобрстил его, прижал к
себе, и назидательно произнес:

- Смотрите, как надо целовать
сына, чтобы он не улетел в космос!

Костя похвастался с гордостью:

- Тасю все ругают, а меня, зато не
все, а только мама и папа!

Я - Яма

Не послушался я маму
И упал в большую яму...
Мама, если честно,
В яме – интересно!

Я - Я сам!

По утрам, по вечерам,
А также целый день
Говорить:

- Я сам!

- Я сам!

Мальчику не лень.

- Я сам себе художник!

- Я буду рисовать!

(Ведро краски вылью родителям
в кровать)

- Я сам хочу готовить!

- Я сам возьму метлу!

(И яйца размешаю с мукою на полу)

- Я сам решил помыться!

- Я сам стираю, да!

(И вот уже из крана на пол бежит
вода)

- Я сам могу одеться!

- Мне это не впервой!

(И весело летают трусы над
головой)

И повторяют утром,

А также день-деньской:

- Какой самостоятельный...

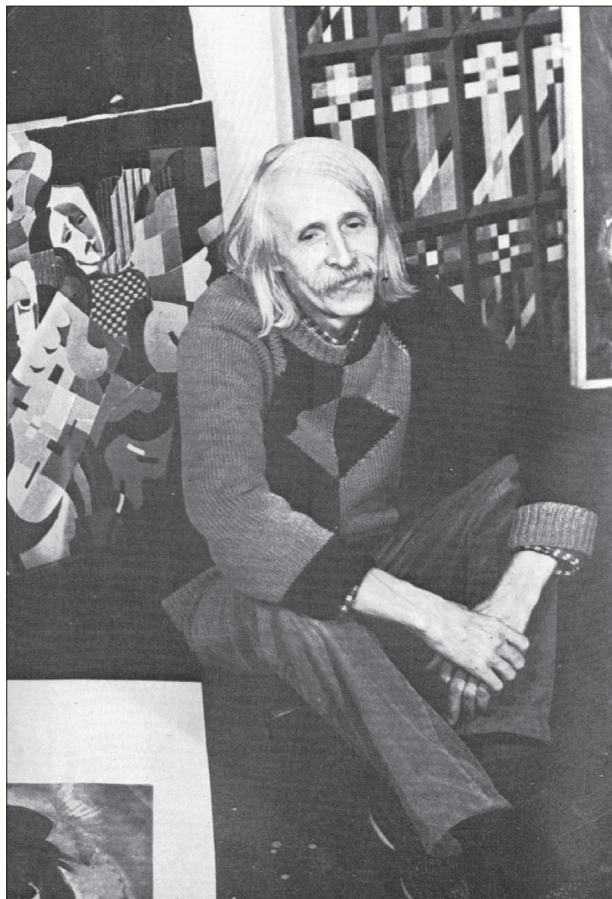
- Какой самостоятельный...

- Какой самостоятельный...

Родители с тоской.

Александр Харитонов

Александр Павлович Харитонов (1940 - 1993) родился в г. Беломорске Карельской АССР в семье военного. Мать - Серафима Александровна (1907 - 1990). Отец - Павел Александрович (1905 - 1976) воевал, участвовал в освобождении Сортавала в 1944 году.

Семья в 1946 году переехала из Беломорска в Сортавала и проживала в старом финском доме по ул. Антикайнена, 18. Серафима Александровна занималась домохозяйством и воспитанием детей (кроме Александра имелось еще двое детей - старший сын Константин и дочь Галина). Павел Александрович работал на рыбокомбинате, затем директором Сортавалторга и заместителем председателя горисполкома.

С детских лет Александр увлекся рисованием и все школьные годы, которые прошли в шк. №2 на ул. Гагарина, посещал занятия изостудии при Доме культуры. После десятилетки поступает в художественное училище г. Калинина. Затем - служба в рядах СА, где помимо воинской подготовки, занимался художественно-оформительской деятельностью. После службы продолжал свое художественное образование - закончил Ленинградское Высшее художественно-промышленное училище им. Мухомой (факультет проектирование интерьеров). По распределению училища в 1972 году приезжает работать в г. Петрозаводск, где стал постоянно проживать. В 1976 году принят в члены Союза художников СССР.

Работал в технике акварели и рисунка в жанрах натюрморта пейзажа, интерьера. Тематика пейзажных циклов связана с творческими поездками в Подмоскowie, Заонежье, на Ладогу, в города Средней Азии и Сибири.

на стр. 12: 1 - А. Харитонов, 1990г.; 2 - родители, Беломорск, 1928г.
3 - А. Харитонов в армии, 1963г.

1	
2	3

на стр. 13: 1 - акварель "Старая почта"; 2, 3 - иллюстрации
к роману Булгакова "Мастер и Маргарита"

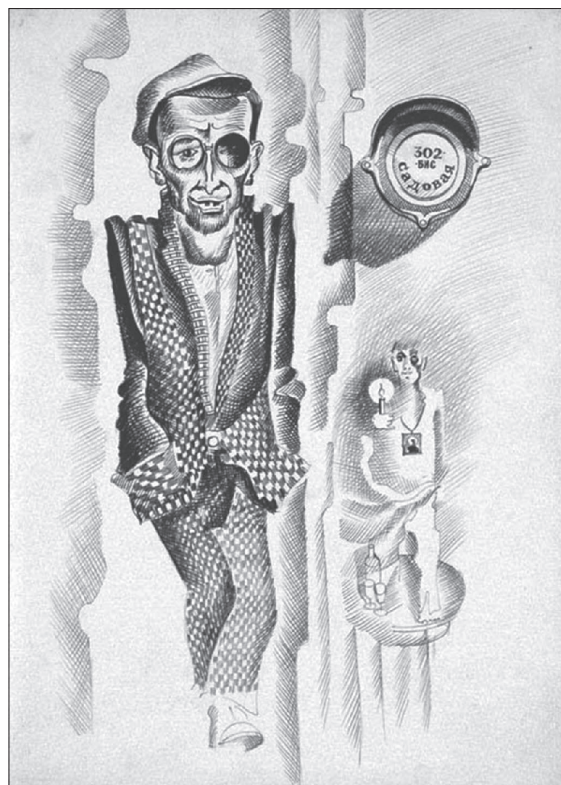
	3
1	2

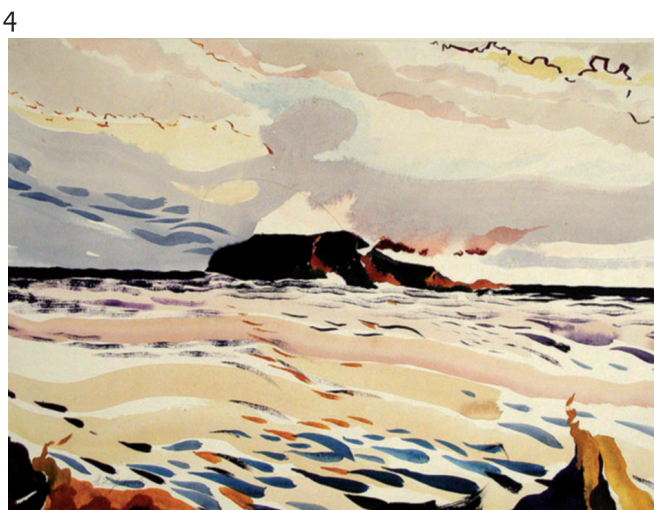
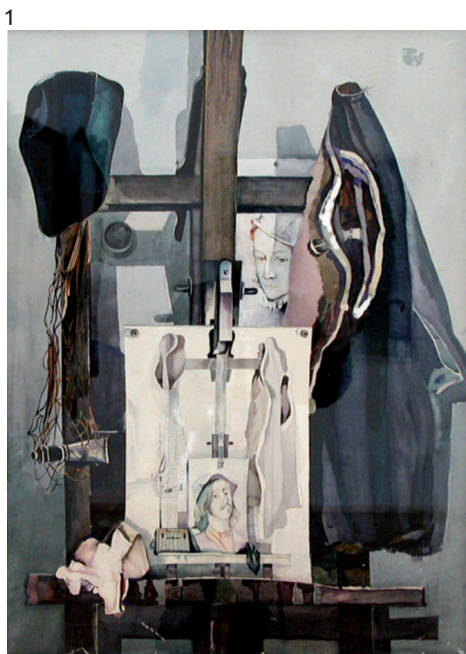
А. Харитонов – автор эскизов многих рекламных плакатов и каталогов к художественным выставкам того времени. Им оформлена книга «Иоганн Вольфганг Гетте. Избранные стихотворения и проза» (Петрозаводск, «Карелия», 1987г.). Исполнен цикл рисунков к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (не изданы). Как дизайнер проявил себя авторством проекта комплексной экспозиции «Эпос «Калевала» - памятник национальной культуры карельского и финского народов» в Государственном историко - краеведческом музее КАССР.

А. Харитонов – постоянный участник республиканских художественных выставок с 1972 года. В 1983 году в Петрозаводске в выставочном зале СХ КАССР состоялась его первая персональная выставка. В 1990 году в Музее изобразительных искусств Карельской АССР проходила выставка, приуроченная к 50-летию художника, включающая более 150 произведений, выполненных в период с 1984 по 1990 годы.

Художник никогда не терял связи с городом, в котором вырос и где началась его творческая жизнь. Он часто приезжал и работал на природе в Сортавала и на острове Валаам. Его работы с видами города по праву можно считать одними из лучших. Жаль, что его творчество мало знакомо сортавальцам и гостям города. Этот год является юбилейным - 70 лет со дня рождения мастера. Альманах «Сердоболь» обратился в отдел культуры города с предложением устроить выставку А. Харитонova, приуроченную к этой дате. Надеемся, что наша инициатива будет воплощена.

В этом номере Альманаха, мы представляем часть его замечательных работ, предоставленных Музеем изобразительных искусств Карелии и публикуем статьи двух искусствоведов, лично знакомых с художником.

1 - "Мольберт" б., акв.; 2,3 - Пейзажи из серии Риекалансаари 1982г., б., акв.; 4 - "Гарджские шхеры" 1982 г., б., акв.; 5 - "Белая лошадь" 1975г., б., акв.; 6 - Пейзаж из серии Риекалансаари 1982, б., акв.; 7 - "Окно" б., акв.; 8 - "Воспоминания о Сортавала" б., акв.; 9 - "Балаам. Композиция с ангелом." триптих. 1989 - 1991гг., б., акв, темпера, коллаж; 10 - Центральная часть триптиха Сирень, 1991г., б., акв.; 11 - "Латинский квартал" (из серии Сортавала) б., акв.; 12 - "Ночь в Сортавала" б., акв.

9

10

11

12

За многие годы работы в Карелии Александр Павлович Харитонов не только написал несколько сот акварелей, пейзажей, натюрмортов, создал десятки картин, коллажей, плакатов, но и воспитал своего зрителя-поклонника. А.П.Харитонов - художник-интеллектуал, он многое дает зрителю, но и требователен к нему. Посетитель, загнанный в выставочный зал дождем или случайной скукой, не найдет в работах Александра Павловича сермяжной правды и, скорее всего, пройдет мимо. И слава Богу! Мы же - поклонники-почитатели-любители-ценители творчества А. П. Харитонova - от каждой новой работы его ждали открытия и откровения и ни разу он нас не подвел. Порою мне, ученику Александра Павловича, странно и непонятно: какие энергетические силы взрывают его творчество новым, неожиданным всплеском?

Вот, кажется, создает А. П. Харитонов серию листов-картин (он художник серийный, мыслит и работает циклами), и должен появиться венчающий труд, - и он, венчающий труд, появляется, но совсем не такой, который предугадывался... Неожиданность нового листа затормаживает, он кажется чуждым общей теме цикла, но постепенно в зрителе возникает созвучность устремлениям автора, и недавние сомнения уже мелки и смешны. Таким открытием на персональной выставке (1990г. – прим. Альманаха) работ Александра Павловича Харитонova стала, на мой взгляд, новая двенадцатичастная композиция «Воскресение», родившаяся из многолетнего цикла Валаамских пейзажей.

К этому произведению зрителям еще предстоит привыкнуть; многозначная глубина его завораживает, входит в диссонанс с внешней пластической простотой - крест-крест-крест... Преломленные цветные плоскости, как музыкальные аккорды гармонизируют внутреннюю структуру мира, в котором живет художник. В этой картине А. П. Харитонов быть может впервые декларирует свою веру, свое христианское мироощущение. Для него крест - не символ страдания и искупления грехов (хотя и эти мотивы ощущаются в картине), а символ просветления, стойкой и чистой Веры, которая держит человека, помогает ему жить в наше разбросанное, аляповатое, светливое время... Вера дар не менее редкий, чем Любовь, ее так же надо заслужить своей внутренней духовной работой. Мерцание цветных плоскостей в этой картине оказывает на зрителя медитирующее воздействие, подталкивает к сосредоточенности и самоуглублению. (И разве может подтолкнуть к медитации аляповатая продукция «религиозного содержания», которая в связи с «дарованной» свободой заполнила прилавки магазинов и киосков!). Впрочем,— каждому воздастся по вере его...

Персональная выставка дает нам уникальную возможность посмотреть, как мы жили эти двадцать лет. Харитонов - честный художник, когда одни воспевали

производительность труда, ветеранские медали и милицейские погоны, он иронично и насмешливо вглядывался в нас и в себя.

Картины «Дом на Красной улице», «Бульвар», «Здесь жили поэты», «Ночь», поразительно точно передают то состояние внутренней эмиграции, в которое нас загнала «родная коммунистическая» власть. Мы жили анекдотами, переводной и самиздатовской литературой, дружбой, увлечениями, любовью; фыркали на очередные исторические решения и прощали себе собственный конформизм. По нынешним газетам 70 - 80-е годы - это времена стагнации и застоя, для нашего поколения - время молодости. Грустно? Грустно, но повторим вслед за поэтом - «печаль моя светла». И этот свет исходит от листов Александра Павловича уже далеких семидесятых годов. Когда же духовный диктат властей стал жестче, многофигурные композиции, жанровые листы, сменились в творчестве художника натюрмортами и интерьерами. «Кукла на диване» из собрания Л. К. Кайбияйнена - одна из вершин Харитонova и карельского искусства. Простота и скупость изобразительных средств - кукла с вывихнутыми полистирольными ручонками, спинка дивана, подлокотник, и - поразительно! - глубокая человеческая трагедия; в литературе того периода мы привыкли видеть скрытый двойной сюжет, по намекам, недоговоренностям, полуправде догадываться об истинном стремлении автора, - но литература свободней в средствах выразительности, язык живописи - только живопись.

Живопись - чудная таинственная сила, рожденная сочетанием, созвучием нескольких красок. Аморфные красящие пигменты лежат спокойно в свинцовых трубах, никак не воздействуя на наши чувства, - ни холодно нам от них, ни жарко, - но стоит коснуться кисти художника, как в секундном полете от палитры до картины они перерождаются, меняют свою физическую сущность, и возникает на листе новая жизнь, полнокровная и глубокая; и у зрителя, стоящего перед «Куклой на диване» А. П. Харитонova, чужой тоской сдавливает виски, изломанная кукла - уже не просто игрушка, а макет чьей-то скомканной судьбы («Что он Гекубе? Что ему Гекуба?»).

Все годы, которые отдал творчеству Александр Павлович, его преследует одна тупая чиновничья несправедливость: по статусу Союза художников он «график», а не «живописец». График только лишь на том основании, что свои живописные произведения он исполняет акварелью. Иногда использует гуашь, темпера, коллаж, но не пишет маслом на холсте, и потому - не живописец. Почему же тогда китайская акварель на бумаге и шелке - живопись? Странно и несправедливо. Сколько художников размазывает темпера и масло по ДВП и холсту, не имея ни малейшего понятия о живописи, и считаются «живописцами». К чему я затронул эту тему и доказываю всем явный факт? - да потому, что по чиновничьей тради-

ции, идущей от Петровской «Табели о рангах», труд «живописца» оценивается выше труда «графика» (в стоимостном выражении). Художник А. П. Харитонов - вне чинов! Его совесть чиста от ефрейторских лычек, «званий» и «лауреатства», которые - да что говорить! - сами знаете, чего стоят...

Выбор материала и техники живописи идет у А. П. Харитонova, как мне кажется, не от «школы» и пристрастия, а от мироощущения. Мир наш хрупок, невелик, непрочен - нажатие кнопки, случайное совпадение ошибочных действий трех чернобыльских энергетиков, футбольный матч, на который спешил водитель на переезде, и -... Хрупкость бытия в XX веке как нельзя более точно совпадает с хрупкостью, тонкостью акварельной живописи. Художник иногда искусственно и искусно «разрушает» картинную плоскость, вводя в живопись элементы коллажа - мятую бумагу, обрывки старых газет. Мир наш многомерен, лишен той действенной цельности восприятия, которой обладали художники XIX века, цельности доэйнштейновской физики. От многомерности, мозаичности мироздания возникает в творчестве А. П. Харитонova индивидуальный «харитоновский» прием многочастных композиций. Диптихи и триптихи в живописи проверен веками и понятен, откуда же корни двенадцатиптиха (простите за неловкое слово), - неужели от средневековых апокрифов о двенадцати частном строении неба? Или, все же, от физики Эйнштейна?

Каждый из натюрмортов А. П. Харитонova 70—80-х годов индивидуален и конкретен: темы музыки, творчества, тихой грусти. Но есть один стилистический формальный прием, который использует художник почти в каждом натюрморте. Это - много-рамность. Рамы мольбертов, картин, старых репродукций, окон, стеклянные сферы, широкие паспарту, в которые включены сами натюрморты, не сковывают интимный мир вещей. Многорамность имеет, как мне кажется, оградительную функцию, - стремление художника сохранить свою духовную чистоту от всепроникающей пошлости официозной идеологии. Этим формальным приемом художник как бы говорит: «Бог с вами, радуйтесь орденам-медалькам, восхищайтесь гениальными романами генсеков, а мне оставьте томик П. Элюара, ветку сирени, Даму в бархатном платье Борисова-Мусатова. Не трогайте. Это - мое!». Белая лошадь грустно и прощающе смотрит на нас сквозь деревянную раму крестьянского окна...

Ведь это уже было, помните, у Есенина - «лошади лицо и морда человека». Только по своей деликатности Александр Павлович ни в одну из своих картин не ввел образ, называемый Есениным «мордой человека». Для него человек, какой бы он ни был, все же - человек и, кажется, сам художник грустным и прощающим взглядом смотрит на своих современников из оконного проема «Белой лошади».

Быть может я в своей оценке творчества Александра Павловича излишне «социален» и за постоянными экивоками в сторону «официозной идеологии» забываю о главном - эстетической, художественной ценности произведений художника. Что поделать, так нас учили. По-большевистски. «Бытие определяет сознание». Харитонов же всем своим творческим путем опровергает этот постулат, для него и «рукописи не горят», и «не бывает времен тяжелых для таланта», и само Бытие лишь шкурка, форма проявления человеческого Духа.

Особая область творчества А. П. Харитонova - циклы акварельных пейзажей. «Валаамская», «Иркутская», «Дагестанская», «Паданская» серии пейзажей включают в себя (каждая!) несколько десятков прекрасных листов. Их отличительная черта - благородство и эллигическая чистота, как у средневековых японских «танка», легких коротких двустиший, через века пронесших свежесть восприятия. Что же главное в творчестве А. П. Харитонova? Кто он? Эстет. Реалист. Структуралист. Лирик. Психолог. Философ. Нонконформист. Интеллектуал. Редкий по дару живописец. Что общего в этих ликах-ипостасях? Искусствоведческий анализ тут бессильен, ведь я люблю творчество А. П. Харитонova, а любовь, как говорят, «застит взгляд». И потому отрину прожекторские замашки искусствоведа и призову на помощь притчу:

«Некий Шах имел Конюшенного, знатока лошадей, который выбирал на базарах лучших скакунов для своего повелителя. Состарился Конюшенный, отошел от покоя, взамен себя привел ко двору Ученика. По приказу Шаха обошел Ученик все царства в поисках самого лучшего скакуна. Нашел и сказал: «Повелитель! Пошли слуг в такое-то селение, там у одноглазого кузнеца есть буланый жеребец. Он лучший скакун в твоём царстве!». Слуги привели Шаху белую кобылу, ибо у одноглазого кузнеца других коней никогда не было. Рассердился Шах, призвал старого Конюшенного.

Кого ты воспитал?! Ученик не может отличить буланого жеребца от белой кобылы!

-Как? - вскричал в восторге старик. - Он спутал белую кобылу с буланным жеребцом? Прекрасно! Ученик превзошел меня. Он проникает в самое сущностное лошади, забывая о внешнем, несущественном! Тебе, Повелитель, будет служить лучший знаток лошадей в подлунном мире!».

Стремление проникнуть в сущностное - вещи, явления, пейзажа, человека, его духовного состояния, - основополагающая идея творчества Александра Павловича Харитонova.

Г. САЛТУП, искусствовед.

Члены творческого объединения "Художники-друзья Валаама":

Стоят (слева направо):

Геннадий Трибушный /Армавир/,
Сергей Бусахин /Москва/,
Анатолий Куршин /Ленинград/,
Александр Гурвич /Петрозавдск/,
Дмитрий Поленков /Петрозавдск/,
Геннадий Жаренков /Москва/,
Александр Харитонов /Петрозавдск/,
Альберт Четвериков /Армавир/,
Эрнест Максимов /Ленинград/,
журналист Татьяна Калугина /Москва/.

Сидят:

Николай Столяров /Ленинград/
Николай Бородавко /Армавир/
Кронид Гоголев /Сортавала/,
искусствовед
Людмила Степанова /Ленинград/,
Вера Васильева /Ленинград/,
искусствовед Лариса Печерина
/Петрозавдск, Валаам/,
зав. научно-экспозиц. отделом музея
Людмила Гурвич /Петрозавдск, Валаам/.

Фото Игоря Георгиевского.
о.Валаам, 15 августа 1986 г.

НАШ САША ХАРИТОНОВ

12 декабря 2010 исполнится 70 лет со дня рождения Александра Павловича Харитонов. Он оставил яркий след в истории художественной культуры Карелии, обогатив ее своим искусством. Его творчество – это свежая, молодая струя новых веяний проникающая в спокойный, устоявшийся мир привычных тем и сюжетов, господствовавших в начале 1970-х годов. Не отказываясь от традиционных форм и методов работы с натуры, работы над тематической композицией, он выделялся среди авторов, блиставших в те годы на небосклоне изобразительного искусства Карелии, неким духом нонконформизма, стремлением раздвинуть пластические возможности жанров натюрморта, пейзажа, тематической картины, сломать сложившиеся устои. Нередко, в его произведениях категории пространства и времени заявляют о себе в более широком и усложненном аспекте, чем это диктовала традиция. Он проявил себя художником глубоким, разносторонним, артистично владеющим техникой акварели. Он отличался умением создавать образы интеллектуально насыщенные, многоплановые: в них есть место и символике, и метафоре. Его произведения отмечены высоким профессиональным мастерством. Чувство меры и такта никогда не покидало автора, за какую бы задачу он ни взялся, за эскиз ли, набросок ли, или за большую программную работу. И, как это часто бывает, творчество А. Харитонova в полной мере явилось отражением его времени, его эпохи, а в его произведениях запечатлелась личность самого автора, умного, правдивого, слегка ироничного, в то же время крайне доброжелательного, необычайно щедрого в проявлении своего художественного таланта. Для истинных ценителей искусства, для коллекционеров и музеев его наследие было и остается интересным и желанным.

Наряду с другими музеями, которые приобретали его произведения, в то время, А. Харитоновым интересовался и валаамский, для которого тема "Валаам в изобразительном искусстве" имела одно из фун-

даментальных значений для спешного комплектования фондов. Этой темой занималась в основном я, как научный сотрудник музея и как искусствовед по образованию. Изучение анналов истории искусства в поиске новых имен, новых сведений по крупинкам разбросанным в биографиях старых мастеров, поиск ранее неизвестных произведений в фондах многих музеев, никак не исключало и не исключает сейчас параллельной работы и непосредственного общения с современными авторами. Многие художники, приезжавшие на остров на протяжении многих, были в поле зрения музея... Приезжали разные и отовсюду: и мастера, и начинающие авторы... Творили, живописали Валаам.

Александр Харитонову среди них принадлежит особое место. Он был одним из первых мастеров, к кому в 1980 г. молодой, только что начавший свою собирательскую деятельность, музей обратился с просьбой показать созданные по валаамским впечатлениям работы. Без сомнения, они должны были быть у Харитонova, поскольку его связи с колыбелью его детства и юности, первых опытов на художественном поприще, городом Сортавала, не прерывались, несмотря на то, что, после окончания факультета проектирования интерьера Высшего художественно-промышленного училища им. В.И.Мухомова в 1972 г., он обосновался сразу же в Петрозаводске. Должны были быть, поскольку Валаам и Сортавала, как известно, находятся близко и неразрывно.

К тому времени Александр Харитонов уже стал признанным, авторитетным акварелистом. За плечами у него было участие и во всероссийских, и в двух зональных выставках, и в республиканских... Он успешно выступал и на выставках за рубежом. В 1976 г. он вступил в Союз художников СССР. В прессе, рецензиях, телепередачах творчество художника неизменно получало одобрение, высокую оценку многих видных представителей художественной критики. По-настоящему ошеломительным было его выступление в пресс-зале Союза журналистов

(октябрь 1979), когда, благодаря не трем-четырем экспонатам, по обыкновению, а сотне выставленных на обозрение публики произведений, талант их автора впервые раскрылся в своей многогранности, остроте новаторства и неумении интеллектуальной силы. Творчество его будоражило воображение, хотя и не всегда поддавалось попыткам адекватному его восприятию массовым зрителем.

Молодой, начинавший с нуля, музей на Валааме не мог представить свою будущую художественную коллекцию без работ А. Харитонов. Установлениям связей с художниками, изучением темы, повторюсь, занималась изначально я.

Сначала (в апреле 1980 г.) А. Харитонову было отправлено письмо, которое он, как видно, или не получил, или не придавал ему значения, т.е., он не откликнулся.

Знакомство с художником состоялось лишь спустя несколько месяцев, в сентябре, на юбилейном вечере одного из ветеранов карельского искусства С.И. Грязева в зале Союза художников КАССР. Знакомство с художником сразу же дало плоды. Музеем были приобретены три его работы, пусть не валаамские мотивы, а листы из серии "Риеаккалансаари": "Органы Риеаккалансаари"(1979), "Радуга над Риеаккалансаари"(1979), "Сосны и скалы Риеаккалансаари"(1979). Музеем тематика названных произведений тоже, как и тема "Валаам", импонировала, так как темы "Северное Приладожье", "Ладога" тоже входили в сферу его собирательских интересов. Конечно, если бы можно было тогда обладать возможностью более свободно распоряжаться выделенными на приобретения средствами, то многие произведения художников, в том числе и А. Харитонova, могли бы найти свою прописку в его фондах..

А. Харитонов-пейзажист сформировался в творческих поездках. Он почти ежегодно приезжал в Сортавала и находил здесь источник вдохновения, создавая большие циклы. ("Sortavala", "Риеаккалансаари"), все чаще навещал Валаам. Его пейзажи рождались также в поездках по Карелии, в частности, по Заонежью, по стране...и, наконец, в Петрозаводске. Отдельные из созданных им листов характеризуют стремление автора поднять традиционный пейзаж до уровня философско-символической наполненности образа. Поэтому он стал заметным участником выставки 1980 года "Пейзаж в изобразительном искусстве Карелии в г. Петрозаводске.

Время шло. Творчество Александра Харитонova развивалось, появлялись все новые произведения, отражавшие поступательный характер становления его как мастера. Он создавал циклы произведений. Например, начатый в 1979 г., "Ладожский альбом. Риеаккалансаари", насчитывал уже к 1982 г. до 50 листов. Увлеченно работал над циклом листов по мотивам романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита". Постепенно была подготовлена база для орга-

низации первой персональной выставки, открывшейся в декабре 1983 г. в Выставочном зале Союза художников КАССР. В маленьком зале более 150 работ художника экспонировались плотно, в три-четыре ряда, т.е. был применен, можно считать, принцип шпалерной развески. Другого выхода разместить все созданное художником не было. Широкий отклик в прессе (статьи Г. Акбулатовой, Ю. Линника, Л. Мальчукова, В. Судакова), встречи со зрителями, бурные дебаты... Прямо с персональной выставки некоторые работы А. Харитонova ("Церковь скита Всех Святых", "Камни Риеаккалансаари") перекочевали на следующую, организованную там же двумя музеями: кижским и валаамским, открывшуюся в марте 1984 г. выставку "Памятники культуры Карелии в произведениях изобразительного искусства. Киж. Валаам" Конечно, после завершения музейного экспонирования, названные работы были приобретены в фонды Валаама.

По-настоящему подружился валаамские музейщики с Александром Харитоновым в 1985 году, когда он на более длительный срок, чем обычно, приехал поработать на остров. В то лето на Валааме побывали многие карельские художники: А. Каштанов, В. Добрынин, Ю. Высоковских, Г. Стронк, Д. Поленков. Все свободные музейные кельи были постоянно заняты. Долго проживали художники из г. Армавира Альберт Четвериков с друзьями Николаем Бородавко и Геннадием Трибушным, Сергей Игнатьев из Петергофа. Практиковалась в свободное время на пленэре также группа архитекторов - реставраторов во главе с Владимиром Погорелым. Среди экскурсоводов тоже были художники: Сергей Бусахин, Анатолий Куршин (+2010). Таким образом, непрерывно царил дух творчества. Для всех Александр Харитонов был Сашей. Чаще всего Саша проводил время в общении с Сергеем Игнатьевым, студентом архитектурного факультета Института им. Репина. Сергей был очень коммуникабельным молодым человеком. Хорошо играл на гитаре, пел для слушателей и для себя. На этюды Саша предпочитал ходить вместе с Сергеем. Ходили друзья также любоваться ночным Валаамом, конечно, делая при этом зарисовки. Вместе пили чай. Помнится, Саша был любителем крепкого чая и часто его заваривал.

Так получилось, что сотрудникам музея, в то числе и мне, пришлось в том, 1985 году много времени находиться в экспедициях, собирать предметы этнографии, старины в Олонецком районе. Келья моя не отличалась изысканностью условий, но все же была оборудована необходимым инвентарем и, конечно, посудой для чаепитий. Из окна был вид на церковь Петра и Павла, на кусты старой сирени. Весь двор и жизнь обитателей поселка из окна была видна, как на ладони. Именно поэтому, Саша на период музейной экспедиции охотно остался за сторожкой моего убогого жилья. По возвращении из экспе-

диции, я смогла порадоваться, увидев его новые работы: "Солнечный день на Валааме", "Церковь Петра и Павла", "Успенская церковь", "Старый монастырский некрополь", "Валаамские сумерки", "Монастырское окно". Все они вошли в экспозицию октябрьской выставки в Петрозаводске "Пленэр". На той же выставке выступили и другие художники со своими свежими валаамскими работами. Было что показать и на 29 республиканской выставке. Акварели Саши и других авторов позднее были приобретены валаамским музеем.

Особенно плодотворным для Саши в разработке валаамской темы оказался 1986 год. Он снова встретился со своими друзьями, с тем же Сергеем Игнатьевым. Снова в его распоряжении было распахнутое окно в сторону двора и в сторону Петропавловской церкви. Саша часто ходил на этюды, но в дождливую погоду, когда работа с акварелью не дает желаемых результатов, он стоял с мольбертом у окна и под грамзаписи песен Б. Окуджавы в исполнении Ж. Бичевской, творил, подпевая. Он писал потом на Валаам: "Прошлый мой визит вспоминается под мелодию "Господа юнкера...!". Все акварели, созданные им в то лето, хотелось в музей приобрести, но положительное решение Фондово-закупочной комиссии было приостановлено администрацией музея по непонятным причинам. Его пейзажи, интерьерные композиции: "Ферма пасмурным днем.", "Зимняя гостиница", "Валаам. Небесный хоровод", "Вечер на Никольском", "Лето на Колгострове", почти год придерживались в музее на временном хранении в надежде сотрудников, что дирекция, сочтет, наконец, необходимым закупить их в фонды. Увы, акварели после основательной переписки с художником, пришлось ему вернуть. Было горестно: музей лишился возможности иметь произведения, которые могли бы служить украшением его коллекции, могли бы достойно представить Валаамскую серию Александра Харитонов. Сейчас об этом напоминают лишь документальные материалы и, так называемая, сопутствующая коллекция, которая комплектуется музеем параллельно с художественным фондом. Это - каталоги с автографами, письма, фотографии. Все эти материалы сопутствуют и Сашиной художественной коллекции и позволяют составить общую хронологическую канву его взаимоотношений с Валаамом, с музеем.

Вот фотография (автор Игорь Георгиевский): "Валаам. 15 августа 1986 года". В кадре группа художников, почитателей прекрасного острова, среди них - Александр Харитонов и знаменитый сортавалец Кронид Гоголев. Художники, запечатленные на фото, в этот день были на подъеме: состоялось общее собрание с целью создания творческого объединения "Художники-друзья Валаама" при валаамском музее. Было все: и приказ директора музея о создании объединения, и жаркие выступления собравшихся, был принят Устав, было разработано Положение, утвер-

жден список членов Правления, состав которого был выбран и Саша Харитонов. Все было серьезно. Предполагалось, что творческая база нового объединения расположится в постройках скита Всех Святых. Никто не знал тогда, что через три года на Валаам вернется Русская Православная церковь, начнется возобновление монастыря, а значит и постепенный возврат ему всех исторических зданий. И все же, деятельность созданного, правда, так и не узаконенного юридически, творческого объединения, дала некоторые плоды. Состоялись две большие выставки: одна - "Художники-друзья Валаама" - (1987 г., март-апрель) открылась в помещении нынешнего Художественного Салона, в Петрозаводске, другая - "Валаам, Приладожье в произведениях изобразительного искусства" развернулась в июле 1988 г в Выставочном зале СХ РСФСР, на Охте, в Ленинграде.

На выставке 1987 года экспонировались отвергнутые дирекцией акварели Саши: "Зимняя гостиница" и "Вечер на Никольском", а на Охте - работы 1985 года, уже принадлежавшие музею: "Валаамские сумерки", "Монастырское окно" и новый триптих, привезенный лично Сашей в дни монтажа, коллаж "Монастырская келья" ("Медитация"), выполненный в 1986 г., и после выставки тоже приобретенный музеем. Большинство авторов сами развешивали свои работы, и в этом была их огромная помощь музею, поэтому чрезвычайно приятно было увидеть Сашу, с большим свертком появившегося в дверном проёме выставочного

зала. Окантованный в рамы коллаж, посвященный 100-летию принятия Христианства на Руси, произвел очень хорошее впечатление, был весьма кстати, поскольку, несколько работ Саши и других авторов, привезенные на выставку, но не окантованные, в экспозицию не попали. К тому же некоторые вещи пришлось снять из окантовки, чтобы оформить произведения взятых из фондов Государственного Русского музея классиков (В. Тима, Ф. Васильева, и др.), чем была нанесена художникам душевная рана.

Авторов в той экспозиции было много, но Саша не потерялся среди них. В "Книге отзывов", пестревшей весьма благожелательными рецензиями, его имя не было обойдено одобрительными откликами зрителя. Следует подчеркнуть, что все работы Саши, экспонировавшиеся на Охте, были предварительно рекомендованы им самим. Не удалось только организовать получение из музея Кижы из-за бесчисленных хлопот по предложенному художником списку коллаж "Монастырские интерьеры". Конечно, поездки Саши на Валаам составили лишь одну из многих линий его творческих интересов. На выставках 1980-х гг. появлялись листы из поездок в Дагестан, в Иркутск, Среднюю Азию. Он много работал над натюрмортами. В июле 1987 года он масштабно выступил на ретроспективной выставке в Карельском музее изобразительных искусств. Он писал в августе на Валаам: "В Петрозаводске открыта выставка - такая ретроспективная - НАТЮРМОРТ. - там у меня и у Юфы по цело-

му залу". Без сомнения, произведения, выполненные Сашей в этом жанре и характеризующие нюансы развития его мастерства, заполнили бы не один зал. В том же письме он писал: "У меня к Вам очередная нескромная просьба - (ибо знаю Вас, как человека в высшей степени отзывчивого и могущего правильно художника понять) - просьба на несколько дней (не более недели) впустить меня в Вашу келью. Где-то с 13-14(а может быть с 12-го) до 18-19 августа. Нигде в другом месте уже не могу быть на Валааме, привычка - а я к ним в высшей степени склонен".

Да, я охотно уступала Саше свою келью, как только он появлялся на Валааме, на неопределенный срок, переселяясь в пустующую, маленькую келью с одним окном в конце коридора на том же нижнем этаже внешнего каре. Уступала, предвкушая возможность появления новых произведений, в которых так нуждался наш музей. Кстати, Саша был не единственным художником, кто использовал мою "комфортабельную" квартиру как гостиничный номер. Не раз и не два в ней останавливался художник Б.А.Смирнов-Русецкий, однажды я устроила таким же образом К.А.Гоголева, но он вскоре сбежал от шума, от крикливых посиделок жителей на скамейке у подъезда. Со своей стороны я рада была помочь художникам справиться непривычными для них трудностями валаамского быта.

Заметным событием в художественной жизни Петрозаводска и творческой биографии Александра

Харитонов в сентябре 1988 года стала также групповая выставка "Три с половиной", или "3 1/2" Экспоненты, кроме него, Алла Власенко и Аркадий Морозов. Пресса подчеркивала авангардистский характер выставки. И снова на ней прозвучала тема Валаама и Сортавала.

Продолжалась работа над обширным циклом к "Мастеру и Маргарите", был также выполнен плакат к одноименному спектаклю. Александр Харитонов был одаренным плакатистом и дизайнером. Плакаты к спектаклям, к своим выставкам, выставкам друзей, проекты оформления различных типографских изданий, прежде всего, каталогов, занимают существенное место в творческом наследии художника. Он неоднократно привлекался к дизайнерской работе, к созданию проектов оформления общественных интерьеров, проектированию экспозиций и выставок. В частности, он был автором проекта комплексной экспозиции "Эпос "Калевала" - памятник национальной культуры карельского и финского народов" ("Карельский государственный краеведческий музей"). Саша и Валааму готов был помочь как плакатист. Сохранилось его письмо, начинающееся словами: "Лариса! Я получил письмо (от тебя?) с текстами для плаката выставки в Л-де. Я с большим удовольствием это сделаю, и уже придумал как..." Увы, слишком мало оставалось времени до открытия выставки на Охте для работы над художественным плакатом, поэтому пришлось ограничиться афишей, напечатанной типографским набором.

По поводу музейного выступления в 1989 г в новом тогда Выставочном зале в г. Сортавала, тоже сохранились письма Саши. В апреле он писал: "Я бы хотел быть в курсе выставочной деятельности музея, потому как заканчиваю крупную и похоже что не только по размерам картину в которой мотивы монастырского кладбища и вами рассказанной истории-легенде о Евсикове и запечатленный ангел кажется удачно переплелись в достаточно цельный образ.

На прошлогодней выставке в Ленинграде я слышал от вашего директора о предстоящей выставке в Москве. Это действительно или плод романтической фантазии?

Вот выставочный зал в Сортавала, рожденный Гоголевым - это факт. Молодчина этот Кронид и дай бог ему здоровья." Да, Саша с глубоким уважением относился к старшему собрату по искусству Гоголеву Крониду Александровичу. В октябре, когда монтировалась выставка, он был тоже в зале и снова помогал советами.

Не просто этапной, но итоговой было суждено стать его второй персональной выставке, юбилейной, организованной в связи с 50-летием со дня его рождения. Выпущен приличный каталог (1991) с хорошей вступительной статьей (Г. Салтуп).

У художника было много друзей, которые могли его по достоинству оценить и поддержать его, со вни-

манием к нему относилась пресса, он получил признание в официальных кругах, т. е., создана была платформа для дальнейших творческих поисков, но... Саша заболел. Заболел в тот период, когда страна находилась на перепутье, когда на экране телевизора целыми днями звучали политические дебаты, когда инфляция опустошила народные кошельки, заболел в период бартерных сделок, пустых прилавков и торговых книжек, лимитировавших приобретение необходимых товаров. Как знать, благоприятной ли была эта обстановка в стране для его спасения или облегчения его страданий? Саша слег. Мои подруги Софья Сарен и Тамара Райкерус, частенько приезжавшие на Валаам, тоже стали друзьями Саши и навещали его в больнице. 28 марта 1993 г. его не стало. На Валаам пришло письмо от Софьи: "Милая Лариса, ты наверное, уже знаешь, что Саша Харитонов умер. Тамара ходила на похороны. Гроб с телом был для прощания в выставочном зале на пр.К.Маркса. Народу было очень много. Его двойняшка исполнилось только 9 лет. 6 мая - 40 дней. Я звонила Людмиле. Она, конечно, в горе. 6 мая я и Тамара едем с ней на кладбище. Я считаю, что для тебя это извести не свежий удар. Об этом говорили по радио по телевидению, писали в газетах.

Я уже Людмиле говорила, что утешением может быть то, что он, умирая, был без сознания. Саша впал в кому и в сознание больше не возвращался. Физические страдания кончились для него за 3 дня до смерти. Про душу мы не знаем.

Милая, жизнь продолжается..."

Позже, встречаясь с Людмилой Харитоновой, вдовой художника, мы, конечно, вспоминали о Саше, пересматривали его работы. И среди них, я со щемящим тоскливым чувством узнавала те, неразумно и непредусмотрительно валаамским музеем отвергнутые. Они были приобретены одной фирмой, но позже выкупленные Людмилой. Для коллекции нашего музея это потеря. Безусловно, и для Саши волокита с их приобретением была моральной травмой. Не подобные ли случаи постепенно подтачивали энергию и здоровье мастера?

Память о нем живет и в его наследии, и в его учениках. Он преподавал в Детской художественной школе Петрозаводска. Среди его воспитанников есть и те, которые успешно работают ныне на ниве Карельского изобразительного искусства.

Лариса Печорина,

Валаамский научно-исследовательский церковно-археологический и природный музей-заповедник

На стр. 29, 30-31 - репродукции работ художника из фондов Карельского Музея Изобразительных Искусств.
на стр.36,37 и 39 - из семейного собрания.

“Сказка старого дома”, б., акв. 53х47, 1972г.

Шиншилла (лат. Chinchilla) - род шиншиллы семейства шиншилловых отряда грызунов. Различают два вида: малая длиннохвостая или береговая шиншилла (лат. hinchilla Lanigera) и короткохвостая или большая шиншилла (лат. Chinchilla Breviceaudata). Естественный ареал обитания - пустынное высокогорье Андв Чили, Перу, Боливии и Аргентине Шиншиллы являлись объектом интенсивной охоты из-за ценного меха, что привело к сильному уменьшению их численности. На данный момент шиншиллы занесены в Красную книгу Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Длиннохвостые шиншиллы разводятся на мех на фермах во многих странах, а также распространены в качестве домашних животных.

(Из Википедии).

Шиншилла (chinchilla)

Возможно, вы не раз подумывали завести кролика, крысу или морскую свинку – маленькое, компактное, но в тоже время мягкое, приятное и не агрессивное животное. Но что-то вас всегда останавливало. Может быть, вы боялись неприятного запаха, комков шерсти и опилок, разбросанных по дому, или все эти звери казались вам уж слишком часто встречающимися среди ваших знакомых? Если это про вас, то я знаю, кто вам понравится наверняка. Этот таинственный и желанный зверь – шиншилла. Во-первых, потому что это животное ест очень немного – кормить шиншиллу нужно всего один раз в день. Во-вторых, у них нет потовых и сальных желез, поэтому они не имеют запаха. В-третьих, у шиншилл всегда чистый мех, нет сезонной линьки, и потому животное считается самым гипоаллергенным. Они не кусаются и не царапаются, хорошо поддаются обучению и воспитанию и живут в природе до 20 лет.

Родина этих пушистых зверьков - Южная Америка. Шиншиллы населяют сухие скалистые районы на высоте от 400 до 5000 метров над уровнем моря, предпочитая северные склоны. Расселины скал и пустоты под камнями служат им убежищами и только в том случае, если ничего подобного в округе не встречается, животные выкапывают нору. Шиншиллы прекрасно приспособлены к жизни в горах. Их скелет сжимается, позволяя зверькам пролезать сквозь узкие вертикальные трещины, они отлично передвигаются по скалам. Большие чёрные глаза с вертикальными зрачками, длинные усы-вибриссы, крупные овальные уши (5-6 см) – даны шиншиллам для приспособления к сумеречному образу жизни. Ушные раковины этих «пушистых Микки Маусов» имеют специальные перепонки, с помощью которых зверьки закрывают свои уши, когда принимают песочные ванны, благодаря этому песок не попадает внутрь. Внешне шиншилла напоминает средней величины крольчонка. Масса этих грызунов достигает 400-900 г; длина туловища 19,6 - 37 см, хвоста - 9 - 17 см. Самки, как правило, круп-

нее. Задние ноги у шиншилл выполняют в передвижении главную роль, поэтому они гораздо длиннее и значительно более сильные.

Шиншиллы моногамны. Они достигают половой зрелости в 6-7 месяцев и способны принести по 2-3 помёта в год, в каждом из которых по 2-3 щенка. Продолжительность беременности в среднем достигает 110 дней. Шиншиллята рождаются зрячими, покрытыми пухом, с прорезавшимися зубами и сразу же могут передвигаться, а уже на пятый день начинают самостоятельно поедать корм. Шиншиллы относятся ко всеядным. Пищей им служат различные травянистые растения, в основном, злаковые, бобовые, а также мхи, лишайники, кактусы, кустарники, кора деревьев, иногда не брезгуют и мелкими насекомыми.

В природе эти пушистые зверьки издают довольно забавные звуки: когда им что-то не нравится они «крякают» будто утки или «чирикают» подобно воробьям. При ушибе или сильном испуге могут очень громко запищать. Они вовсе не беззащитны, при угрозе шиншиллы способны атаковать. Чувствуя неприятеля, животные высоко встают на задние лапы, начинают «рычать», пускают струю мочи, а затем вцепляются всеми своими двадцатью зубами во врага.

Густой и тёплый мех является следствием проживания в холодном горном климате. Шиншиллы рекордсмены по плотности меха среди млекопитающих - на один квадратный сантиметр кожи приходится более 25000 волосков!

Основоположником разведения этих животных в неволе был американский инженер Матиас Ф. Чапмен. В 1919 году он начал поиск диких шиншилл, которые к тому времени встречались чрезвычайно редко. Ему удалось адаптировать шиншиллу к равнинному климату и переправить их в Сан-Педро (Калифорния). Эти грызуны стали родоначальниками нового вида искусственно разводимых пушных зверей. В конце 20-х годов количество шин-

“В 2001 году сотрудники Сортавальского Детского Эколого-Биологического Центра, имевшие некоторые средства для приобретения животных, купили в Ленинградском зоопарке самку шиншиллы по имени Настя. Заплатили, по тем временам, круглую сумму - 3500 рублей.

шилл ежегодно увеличивалось на 35%. В 50-х годах шиншилловые фермы существовали в большинстве развитых стран. С начала 90-х годов наметилась не только тенденция содержания шиншиллы в качестве домашних животных, а также их племенное разведение.

Серо-голубой мех шиншиллы отличается удивительной мягкостью, густотой и прочностью и считается одним из самых дорогих в мире. Но, так было не всегда. В 19 веке шкала ценности меха выглядела совсем иначе. По ней шиншилла значилась лишь на 10-м месте, уступая первенство горностаю, бобру, соболу, кунице, морскому коту, синей сибирской лисице, каракулю и тигру. Более того, подчеркивая цвет шиншиллы, петербургским модницам не советовали прибегать к нему, дескать, серые меха портят цвет лица, и снаружи его лучше носить в виде муфты, а вообще лучше пускать на внутренние подбивки одежды. Эксплуатация зверьков в качестве ценного меха на рынке Европы и Северной Америки была начата в 19 веке и большая потребность в шкурках, к сожалению, есть и по сей день. На одну шубу требуется порядка 100 шкурок, изделия из шиншиллы сейчас признаны самыми редкими и дорогими. Если 1928г пальто из шиншиллы стоило полмиллиона золотых марок, то в 1992 году за шубу из этого пушного зверя уже отдавали 22000\$.

Есть две версии происхождения слова «шиншилла». По преданиям южноамериканских индейцев, название зверька связано с индейским племенем "чынчыл", "чынча" или "хинха", представители которого носили одежды из мягкого меха горных грызунов. А другая версия трактует происхождение этого слова от испанского «chinché», что в переводе означает «клоп» или «кнопка».

Принято считать, что эти красивые и благородные зверьки - символ добра, счастья и благополучия в доме. Еще древние индейские племена заметили, что шиншилла чаще живет там, где есть золото. Недаром говорят, что видеть во сне шиншиллу - знак того, что в скором времени вы сделаете удачное приобретение. И хорошо, если им станет новый домашний любимец.

Доподлинно не известно когда именно появились шиншиллы в Сортавала и кто первым их сюда завёз. Но в 1995 году в живом уголке Детского Эколого-Биологического Центра появился мохнатый грызун, по кличке Шуша. Он прожил довольно долго, но до наших дней не дожил. И в 2001 году сотрудники центра, имея некоторые средства для приобретения животных, купили в Ленинградском зоопарке самочку шиншиллы по имени Настя. Заплатили по тем временам круглую сумму – 3500 рублей. Сейчас Насте около 10 лет. Она – любимец детей и взрослых. Её мать - стандартной шиншиллы, является основным видом, выращиваемым на фермах, серо-голубая на хребетной части туловища (на голове, спине, боках, бедрах и хвосте) с белой брюшной полосой. Характер – лёгкий, спокойный, покладистый, но пугливый. Долго не давала себя, как следует, сфотографировать, потому, что не могла

привыкнуть к незнакомому запаху. Зверёк довольно вёрткий и юркий – перемещается по клетке со скоростью звука и умудряется, при этом, заползать под поддоны с опилками и прятаться за кормушки. Мех на ощупь действительно оказался очень мягким, гигроскопичным. Питается шиншилла Настя семечками, орешками, яблоками, любит травку, особенно предпочитает одуванчики. Досуг проводит, кувыркаясь в песке, забираясь на палку, имитирующую дерево, а спит, уютно устроившись в ящике с опилками.

По выражению заводчиков - «шиншилла - это не хомяк и не крыса, которая будет жить сама по себе, лишь бы кормили и поили, этому зверьку необходимо общение. Она не поддается дрессировке, её можно и нужно воспитывать, как ребенка, с помощью любви и внимания, и она ответит вам взаимностью. Но также при воспитании этого домашнего животного нужна и строгость, не надо сдувать с него пылинки, и идти у него на поводу, иначе вы получите невоспитанную, хулиганистую зверушку, которая будет из вас веревки вить, и потом вы уже ничего не сможете изменить. Поэтому воспитывать зверька надо сразу, как только он появился в вашем доме. В первые же дни, при адаптации к новым условиям и знакомясь со всеми членами семьи, сидя в клетке - он изучает и определяет каждого, то есть, кого ему нужно опасаться, кого уважать и слушаться, с кем поиграть, а у кого и на голове посидеть! Такое умное домашнее животное».

Шиншиллы – зверёк очень любопытный. Во время её прогулки по квартире лучше не оставлять открытыми унитазы, ведра, аквариумы и другие сосуды с водой. Шиншиллы прекрасно плавают, но долго оставаться на плаву не могут, т.к. быстро устают. К тому же мех становится тяжелым при намокании и тянет животное ко дну. Они, конечно, требуют внимания и если его не получают, начинают искать себе какое-либо развлечение. Что-то, что можно погрызть. В ход идут провода, углы мебели, обои, игрушки, комнатные растения, ваши любимые туфли, словом всё, до чего шиншилла сможет дотянуться. Шиншилл нельзя выпускать на прогулку на всю ночь. Хитрые и умные животные часто наблюдают, как хозяева открывают замок в клетке и обязательно пытаются повторить их действия самостоятельно. Сбежав ночью, зверёк может забраться в узкое место, собрать пыль за шкафом или под диваном, опять же, что-нибудь перегрызть, а то и вовсе спрятаться так, что и днём с огнём не сыщешь. Одна неприятность - от пыли у шиншилл может начаться стоматит.

Поэтому заводчики советуют в домашних условиях, если времени на общение с шиншиллой у вас не так много, лучше приобрести ему пару. А для содержания одного животного надо приобретать самца, так как он может жить без самки всю жизнь и кастрировать его не нужно. Дело за малым - отыскать 4500 рублей и приобрести маленького мохнатого питомца, способного скрасить ваш досуг на ближайшие 20 лет.

*Светлана Махохей.
(текст, фото)*

ЖИВОЙ КЛАССИК

22 апреля 2010 года в Сортавала произошло историческое событие - нас посетил Владимир Рекшан – лидер рок-группы «Санкт-Петербург», вокалист, гитарист, писатель и поэт, одним словом – великолепный артист. По приглашению и инициативе нашего Альманаха, Владимир Ольгердович два часа общался со зрителями, исполнял свои произведения и выдавал всем желающим удостоверение «Гражданина Санкт-Петербурга». Поскольку концерт был приурочен к 140-летию В.И.Ленина, одним из его организаторов, было Сортавальское отделение Компартии. В завершении депутат ЗС РК Людмила Афанасьева наградила, от лица КПРФ, Рекшана орденом Ленина. В удостоверении, прилагавшемся к ордену, за подписью товарища Зюганова, сказано: «За активную гражданскую позицию и пропаганду отечественной рок-музыки».

Теперь Владимир Ольгердович – орденосец. У себя на сайте он пояснил: «В свое время Папа Римский извинился за ошибочное сожжение Джордано Бруно. Так и КПРФ признало ошибочным гонения на рок-музыку в советское время».

*Владимир
Рекшан*

Всё началось в далёком 1999 году. Именно тогда Владимир, по приглашению Виталия Рыстова, с дипмиссией впервые посетил Сердоболь. Бесплатный концерт был дан им в Доме Культуры. Народ, не смотря на вьюгу за окном, пришёл увидеть и послушать легенду русского рока. В следующий раз живой классик прибыл в наш город через 6 лет - в 2005. Многие помнят его выступление в ресторане гостиницы «Сортавала». Концерт снова был социальным и не стоил гражданам ни копейки. Так что Владимир Рекшан имеет все основания называть себя не только орденосецем и живым классиком, но и сердобольным гражданином. Ибо несёт он своё творчество, как музыкальное, так и литературное, в массы денно и нощно, «без выходных и перерыва на обед».

Соревноваться с членом Союза писателей в мастерстве мы не будем, и предоставим нашему классику самому рассказать о своей жизни и творческом пути. Далее вы сможете прочесть автобиографические отрывки из книги В.О.Рекшана «Сестра таланта», издательство «Красный матрос», Санкт-Петербург, 2001 год. А также - переписку живого классика с Николаем Васильевичем Гоголем, впервые опубликованную в газете «Невское время».

СЕСТРА ТАЛАНТА.

ИЗ ДЕТСТВА

Брата нашли в капусте. Теперь об этом смешно вспоминать, но мне именно так говорили. Я представлял овощной магазин и продавца в грязноватом фартуке. Тот вынимает розового, пищащего уродца из шелушащейся кучи и говорит родителям:

-Ваш мальчик? Вы его потеряли, а я нашел.

Так мне казалось. А Хрущеву казалось, что XX съезд партии все решит. Много воды и вождей утекло. Мой брат теперь коммерсант, а вот я - неизвестно кто.

Исторически сложилось так, что земля Сортавальская притягивала к себе разнообразные таланты. Художников, поэтов, писателей, музыкантов, известных актёров - в общем, живых классиков.

Зачислить их в рубрику «Обитатели» мы не можем, так как многие из них не жили в Сортавала, а лишь радовали нас своими талантами и уезжали обратно.

Поэтому с данного выпуска мы вводим новые рубрики «Гастролёр» / «Визитёр», дабы ни один приезжий талант не укрылся от всевидящего ока Альманаха «Сердоболь».

Я любил возиться с цветными карандашами. Пароходам я пририсовывал оранжевый дым, а Сталина в энциклопедии украсил синей бородой.

Первый раз я влюбился... Лет пять или шесть мне было, не больше. Я ходил в детский сад на набережной Кутузова. В доме, где находилось дошкольное учреждение, когда-то жил Пушкин, а теперь там ЗАГС. То есть детей стало меньше, но зато женятся и разводятся чаще... Мы ходили гулять в Летний сад и там собирали желуди. До сих пор помню солнечный осенний день, красно-золотые листья дубов и кленов. Первая любовь моя оказалась неразделенной. Поэтому я до сих пор отношусь к женщинам с подозрением...

...Я собираю марки и жду, когда объявят коммунизм. Тогда я пойду на угол Невского и Литейного и наберу кучу китайских марок задаром. Я жду, жду, и - перестая ждать. Теперь марок у меня нет, потому что коммунизма так и не объявили.

...В детстве я был лунатиком. Выходил по ночам из коммунальной квартиры на лестницу, старался подняться на крышу и походить под луной. Родители установили дежурство и ловили меня.

В нашей квартире жил профессор истории. Он давал мне толстые книги и я читал их. Разные монографии о вотчинном хозяйстве Киевской Руси. Родители восторгались и мне нравились их похвалы.

Мама отвела меня, третьеклассника, к врачу и тот, поцокав языком, сказал:

- У мальчика умственное развитие опережает физическое.

Меня отдали заниматься спортом, и я стал в итоге профессиональным спортсменом. Несколько лет даже был молодой "звездой" европейского класса. Ходить по ночам перестал. И теперь не хожу. Видимо, физическое развитие сравнялось с умственным. Или даже опередило. Иногда мне жалко, что я не лунатик.

Франция, 1968г. Третий слева - В.Рекшан

ОЛИМПИЙСКИЕ ИДЕАЛЫ КУБЕРТЭНА

В тринадцать лет меня первый раз берут на спортивные сборы! Весь июль я живу в ЦПКиО и каждый день оттуда езжу на стадион "Медик", что на Аптекарском проспекте. Тренируюсь, как настоящий мастер. На сборах я самый младший и слабый. Меня периодически третируют старшие товарищи, заставляют за них подметать пол. Я отказываюсь и однажды получаю по морде. Первое настоящее столкновение с жестокостью жизни...

Под окнами на скамейке в кустах сирени морячок тискает девицу и лезет ей под юбку. Мои товарищи-истязатели прилипли к окнам, перенимают опыт. И я смотрю. Что-то тяжелое из будущей жизни шевелится внутри. Я вижу в окне то, что по законам природы, хочешь - не хочешь, придется делать и мне.

В десятом классе я становлюсь мастером спорта по прыжкам в высоту. Тогдашний норматив - 2 метра 3 сантиметра. В газете "Советский спорт" напечатали: «Он был по-настоящему счастлив, этот удивительный паренек...» Ленинградская же газета утверждала: «Этот атлетически сложенный юноша...»

До сих пор мне с собой не разобраться...

...В пятнадцать лет я впервые оказываюсь на всенном тренировочном сборе в Абхазии. Каждую субботу на стадиончике возле моря прикидочные соревнования. Вот и я иду соревноваться со взрослыми. Подхожу к судейскому столику, на котором лежит список участников. Возле каждой фамилии год рождения. Рослая девушка тычит в мою фамилию и говорит приятелю:

- Смотри, какой молодой!

Эта фраза засела в мозгах. Мне перевалило за пятьдесят, иногда еле ноги волочу, а все равно - какой молодой!

Весной 68-го 17-им первокурсником я выиграл на матче университетских команд у Юрия Тармака, который через четыре года выиграет Олимпиаду в Мюнхене, и у Виктора Большова, кто за восемь лет до матча занял четвертое место на Олимпиаде в Риме. Мой результат - 210 см. - лучший результат среди молодежи в Европе по прыжкам в высоту. В конце года нахожу финский каталог. Мой результат - 74-й в мире в этот сезон. Первый у Дика Фосбери, чемпиона Мехико - 224 см. Через много лет, бражничая в ресторане Дома писателей и реагируя на говорливую чушь какого-нибудь рифмоплета, я частенько заявлял:

- Послушай - ты! Кто ты такой? Я в мире - семьдесят четвертый. А ты в этом буфете в первую сотню неходишь.

Вот так из простых цифр рождаются спесь, чванство, гордыня и пьяное свинство.

ШЕФ

...Уродом я стал в двадцать шесть лет. Уродом моральным, а не физическим. В конце марта на Зимнем стадионе проходят соревнования на призы Урхо Кекконена. Я уже не олимпийская надежда, а просто крепкий мастер, "пушечное мясо", спарринг-партнер для молодых дарований.

Прыжковую яму установили плохо, а мне от этого, наоборот, хорошо. У Вити Кашеева результат в сезоне выше 2-20. Мне его не одолеть. Но в плохих условиях можно постараться. К 2-10 мы остаемся одни. Разбегаюсь, лечу, ныряю за планку. Планка не шелохнулась. Только дикая боль взорвалась под ребрами! Выползаю на карачках, думаю: «Дернул межреберные мышцы! Черт!» И Кашеев берет 2-10. Ставят 2-12. Ковыляю к началу разбега, держась за левый бок. Разбегаюсь, отталкиваюсь, как могу, и... теряю сознание от болевого шока. И так вот, в бессознательном, перелетаю 2-12. А Кашеев не берет. Выигрываю приз Урхо Кекконена, финского президента. Почти ползу домой, лежу две недели с горячей болью в боку. Становится легче, иду к врачу, и врач ставит диагноз:

- У вас перелом. Был! Но теперь заросло. Образовалась костная мозоль.

Если меня пощупать, то в боку легко обнаружится костная аномалия.

Когда перелетаешь планку, правая рука тянется вдоль маховой ноги, а левая уходит вдоль бока или прижимается к ребрам. Я умудрился лопасть себе в ребро локтем, и сломать его! И все это в безопорной фазе, в полете. Мысленно я уже внес себя в Книгу рекордов Гиннеса.

РОДИНА НОВОГО ДЖАЗА

Где-то в шестьдесят седьмом году я дебютировал на рок-сцене в поселке Пери. Не помню уж и на чем играл. Кажется, на барабанах. А в зале под мутной лампочкой все время дрались. Доктор химических наук Коля Баранов однажды рассказал мне, посмеиваясь, как ездил в Кузьмолово слушать ансамбль под названием «Проход Харин». На кривую сценку вышел немолодой уже человек с чемоданом. Чемодан состоял из двух половинок, акустических колонок. Человек включил в чемодан микрофон, гитару и объявил прокуренным голосом:

- Ка- ра- ван

«О! - подумали Баранов и его студенты-приятели. - Дюк Эллингтон!»

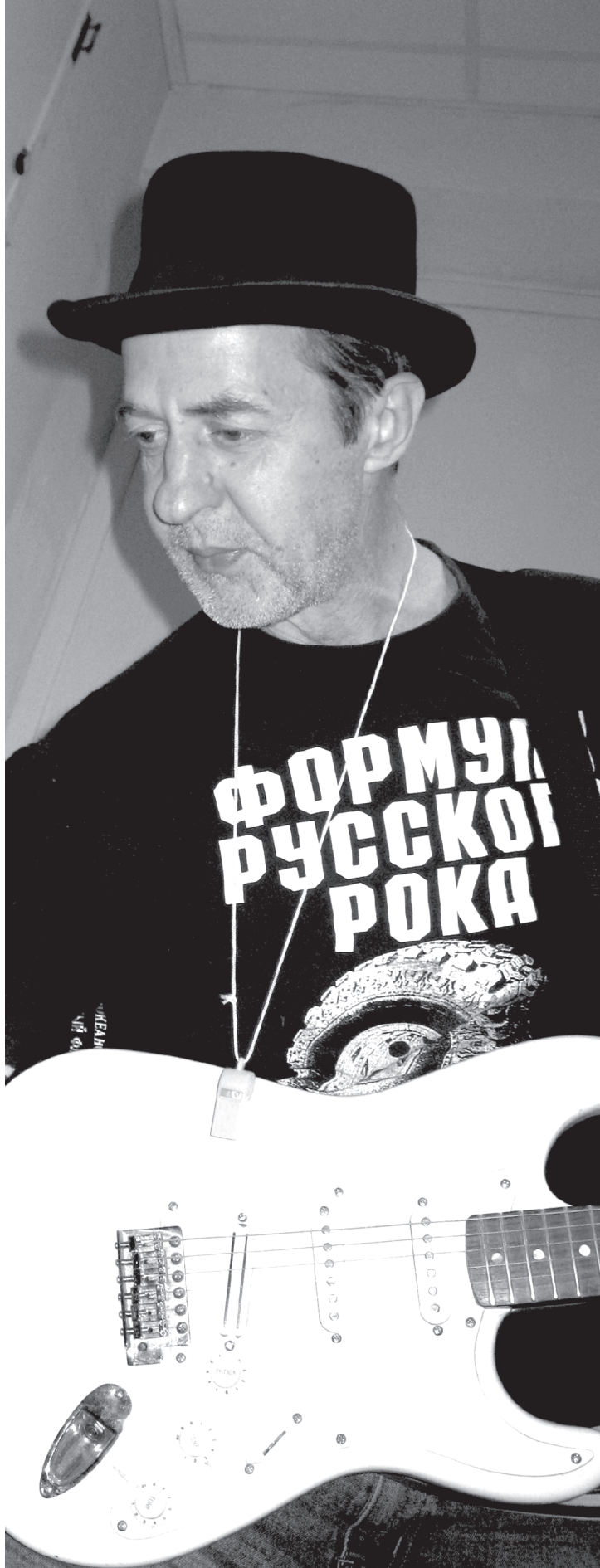
В ответ человек со сцены завыл:

- Вез караван! Кашгарский план!

На второй строчке в зале махач и начался.

Пери, Васкелово, Ольгино, Саблино, Красное село. Так, сквозь мордобой, наступала на Ленинград битломания.

Мой старинный приятель Виктор Райтаровский защитил диссертацию на тему «Взаимодействие португальского языка с языками банту в Мозамбике». В этом самом Мозамбике он и работал долгое время. Много лет мы не виделись, тут встретились. И вот я узнаю от Виктора, что он перевел несколько моих песен на португальский, а с португальского на банту. И выучил он эти песни с ансамблем бантийцев. Я сочинил где-то сотню песен и больше половины забыл. Выходит, некоторые из них существуют только на банту. Виктор говорил, будто бантийцам песни очень понравились и они их с удовольствием пели возле племенных костров...

ЖИВОЙ КЛАССИК

...Выхода первой книги я ждал несколько лет. Считается, что моя литературная судьба удалась и это, отчасти, верно. Все равно - ждать невыносимо. И вот приятная процедура - нужно сфотографироваться для книги. Лютая зима восемьдесят шестого. Хожу по Невскому и позирую фотографу. На мосту через канал Грибоедова меня устанавливают возле гранитного парапета. На голове вязаная шапочка из верблюжьей шерсти. Шапочку подарила новая жена. Чтобы выглядеть мужественней, снимаю ее и кладу на парапет. Делаю шаг навстречу фотографу. Щелкает затвор - готово! Оборачиваюсь - шапочку спи**или! Так состоялась первая встреча с читателями. Через полгода книга повестей и рассказов "Третий закон Ньютона" появилась в магазинах. Есть в ней и та фотография, запечатлевшая памятный миг. Больше мне вязаных шапочек никто не дарил.

И еще: в книготорге почему-то подумали, что Рекшан - это узбек. Большая часть тиража уехала в Узбекистан. Такая, вот, хохма, а не литература...

...Придумал я игру и стал себя вставлять второстепенным героем в свои новые романы, а в романе "Ересь" обозначился так - Владимир Рекшан, живой классик. Не успела книга появиться в продаже, как получаю письмо из Кембриджа. Всемирный Биографический Центр хочет знать подробности биографии и просит ответить на ряд вопросов. Также можно заказать само издание: обычное - 175 долларов, люкс - 260, ройял - 675 американских долларов вынь да положь.

Не успел я пересчитать накопленные доллары, как приятель приносит внушительное нью-йоркское издание в суперобложке на английском языке. Называется книга "Культурная история Санкт-Петербурга". В последней трети речь идет о современной литературе. Много цитируют Бродского. Цитируют Рекшана. Немного. В био-

графическом приложении я стою между Растрелли и Росси. Бродский теперь классик неживой, я - живой классик.

Как хотите, так эту историю и понимайте.

...Где-то в начале восьмидесятых в Рок-клубе на улице Рубинштейна предполагался концерт. Я притащился туда выпить с приятелями, но никого не нашел. Тогда сел в партере, услышал как объявили дебютантов: «Группа КИНО!» На сцену вышел сухопарый монгол в рубахе с жабо, сделал сердитое лицо и заголосил. Монгол оказался Цоем. Рядом с ним на тонких ножках дергался славянин. Славянин дергался на сцене в носках. И оказался он Рыбиным «Рыбой». Откуда-то из-под сцены периодически вылезал БГ с барабаном и исчезал обратно.

Цой умер, БГ в Катманду, а вот "Рыбу" я встретил летом девяносто шестого на Пушкинской улице. Смотрю "Рыбе" на ноги и вижу - ботинки! Из натуральной кожи! Купил-таки! Хорошая вещь!..

СОБРАНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ - АЛЬБОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Владимир Рекшан & «Санкт-Петербург»

РЕВОЛЮЦИЯ

В начале лета 1997 года зашла речь о гастролях „Санкт-Петербурга“ в Штатах. Было понятно, что играть придется для русской публики из коммерческих соображений. Я представил как начну за кулисами жадно делить доллары с музыкантами, как в голове помимо воли защелкает счетная машинка... Стало не в кайф. И что делать? Для собственного самоуверждения следует спеть что-нибудь такое... такое... за что из Штатов могут депортировать! За любовь к Кубе, например! Вспомнилась из детства красивая песня „Куба - любовь моя!“ Возникло в голове вступление к „Black magic women“ из классического альбома Карлоса Сантаны. Как-то самим собой одна тема соединилась с другой и возникло нечто оригинальное. Тем временем чело-век, ведший переговоры о выступлениях, ушел в глубокий, можно сказать, головокружительный запой. В этом запое он продолжал вести переговоры и в итоге поездка, естественно, накрылась. А песни все свинчивались и свинчивались. Я не ловчил и не напрягался. Идеи просто выпадали из пространства. Русская революция, мировая в определенном смысле, и революция рок-н-ролла в мировом смысле тоже. В итоге „Санкт-Петербург“ записал альбом „Революция“. Он не похож ни на что. Ему с радостью станут подпевать и комсомольцы, и буржуазные клерки, и седовласые ветераны, и кислотные компьютерщики. Потому что! Революция! Продолжается! Господа!!!

ПИСЬМО ГОГОЛЯ.

*Многоуважаемый
Николай Васильевич!*

*Я чувствую некоторую
неловкость, обращаясь
к Вам с этим посланием,
могущим нарушить
Ваш покой.*

*Но хочется думать,
что у подобной смелос-
ти, а в чем-то и дерзос-
ти есть основания.*

Страна, о которой Вы так много думали, над чьими горестями страдали, над которой смеялись и плакали, жива. Мало того, она Вас помнит и собирается в этом году отметить Вашего двухсотлетие. Даже в мировом масштабе Вас чтут, и 2009 год ЮНЕСКО назвало так – Год Гоголя. На сие мероприятие казна российская выделила 155 000 000 рублей ассигнациями, которые теперь обеспечивают не золотом, а нефтью. А нефть – это такое вещество, которое является результатом гниения древних растений. Его и добывают из-под земли вместе с газом, и отправляют всем странам. Одним словом, представьте Тараса Бульбу или какого еще сечевика спящего, раздувшегося от горилки и сала, храпящего и пускающего ветру... Родина наша Россия богата планетарными экскрементами, и богатеет день ото дня, продавая это «добро» задорого. Но, как решили власти – музея Вашего в Санкт-Петербурге не будет, да и улицы имени Гоголя не будет, да и литературной премии им. Гоголя в этом году не будет. Зато отреставрируют Ваш памятник на милом Вашему сердцу Невском проспекте напротив Казанского собора. Говорят, вместо отсутствующего Вас позировал один нынешний «авторитет». «Авторитеты» – это такие люди... как бы это вам объяснить... наподобие капитана Копейкина! В прежние годы они по лесам буянили и на проезжих нападали, а теперь иногда бывают в чине ни ниже «Вашего сиятельства».

Знали б Вы, Николай Васильевич, как у нас любят праздники и юбилеи, как любят пулять в небо фейерверками, как к трехсотлетию Санкт-Петербурга в город приехал японский иллюзионист и за много миллионов обещал над Невой показать секретные огни и весь город вышел, но огней не увидели мы. А японец сказал, будто погода подкачала. Но денег не отдал, а поделился, поди, со статскими советниками... На Ваш юбилей затевается тоже грандиозное – по городу станут бегать лотошники и предлагать горожанам «носы запеченные по-гоголевски». Такие, вот, шутки на фоне глобального потепления и таяния арктических льдов.

Теперь Вы поняли – веселого в нашей жизни не стало меньше. В определенном смысле мы и приучены смеяться (но и горевать, однако), разглядывая мир через призму Ваших историй. Расскажу и я одну – ведь не чиновникам нынешним ее рассказывать! Дело случилось уже в этом столетие – решил и я примерить свое тело к должности и, когда мне предложили воз-

главить секцию прозаиков Союза писателей Санкт-Петербурга, я не отказался, а наоборот – пришел на выборы расфуфыренный, с заготовленной речью в кармане... Простите, Николай Васильевич, что я так, вот, сразу, без объяснений. Осознавая вину, спешу расшифровать – писатели теперь объединяются в своеобразные гильдии, наподобие купеческих, и центральная власть, в разные времена по-разному, но, в принципе, благоволит к тем писакам и бумагомаралам (это Вы так сказали, а не я!), под которыми ступ того или иного чиновничьего чина. Еще недавно членам гильдии литераторов подарили дворец князя Шереметева – кланяйтесь барину, коли увидите – но писаки поссорились с бумагомаралами и не уследили за хозяйством. Дворец и сгорел у бедных. Теперь там что-то такое особенное с джукузами и закусками... Но я не о том. Собралось нас несколько десятков сочинителей прозаических произведений на выборы. И предложили меня сделать кошевым. Все так благостно смотрели, что я и решил поваблучиваться. Взяв слово, я согласился баллотироваться, но официально потребовал диктаторских полномочий, что и было внесено в протокол. Писатель Штеммлер поинтересовался: «В каком это смысле диктатор?» «В каком смысле, – ответил я, – что диктатор никому не отчитывается. И ничего не обещает». Когда все стали тайно заполнять бюллетени, я призвал присутствующих обратить взоры и, подняв бюллетень, сказал, что против диктатуры, и вычеркнул себя из бюллетеня. Хочу вам сказать, Николай Васильевич, – всякий писака писаке рознь. Гильдия, в которой проходили выборы, выбрала себе за пример европейский либерализм. Есть и другие гильдии, в которых истово молятся и расшибают лбы. Так вот! Весело это и даже смешно! Итоги голосования в либеральной гильдии получились такими – сорок семь беллетристов проголосовало «за» диктатуру, и только «один», то есть, я, диктатор, выказался против писательской тирании.

Город у нас холодный, безразличный, партикулярный. В Москве о таком казусе закричали б все СМИ, а здесь никому дела нет: впервые в истории официально избранный писака-диктатор! Впрочем, ничего путного из затеи не получилось – увидев бездны дна, интриги и тщеславие, я дал деру, и теперь частное лицо снова.

Хотя тревожит меня, Николай Васильевич, другое. Писатели, вообще, как бы они не были отвратительны, сходят на нет. Теперь собираются издатели с книгопродавцами и решают – какой-токой темы нет на рынке? Нет, к примеру, романов про подростков, их любви, и их онанизмы. Тут же нанимают за пригоршню целковых бородатых филологов или редакторов, каких-нибудь Иванова, Петрова, Сидорова и Рабиновича. Те и строчат по десять романов-онанистов в месяц.

Много о чем мне хотелось бы рассказать в письме, про литературные премии, например, или о футболе, но тут подвернулась оказия и я умолкаю, надеясь на ответ, если такое чудо технически, гносеологическо-метафизически или эзотерически возможно.

И еще, Николай Васильевич, есть у меня к Вам сокровенный вопрос: скажите, пожалуйста, когда все-таки придет Ревизор?

Николай Гоголь,
писатель-отправитель;
Владимир Рекшан,
писатель-получатель.

Николай Васильевич Гоголь родился 1 апреля 1809 года. Совпадение с нынешним Днем смеха случайно.

От Писателя – писателю.

Уважаемый Владимир Ольгердович!

Послания Ваши я, конечно, получил. Правда, с сильным запозданием: письма и у нас ходят плохо – пока Ваш да здешний почтмейстер не прочитают, ни одно не дойдет.

Во первых же строках спешу Вас поблагодарить за проделанный труд – и про Малороссию, и про мой юбилей наговорено уже достаточно. Но прежде чем высказать Вам некоторые соображения о текущем моменте, хочу заявить – зря Вы писали ко мне в квази-стилистике позапрошлого столетия. Мы здесь абсолютно современны и следим за развитием русского языка, который, нах, стопудовый и ништяковый, как мобильник «Нокия».

Мы тут переживаем за Отчизну и хотим быть полезными. Я не про отморожков, маньяков и разных гаишников – им и у нас руки подавать не принято; я – про людей с чистыми помыслами, холодными руками и горячими сердцами. А они убеждены, что у происходящего нынче в России нет сверхзадачи, которая только и может сплотить такую огромную страну в одно целое. Православие спланивало, и коммунизм спланивал, сверхнапряжение войны с Гитлером спланивало. И это доказывает: великая идея нужна! Если б теперь власть надумала убедить всех россиян собраться с духом и улететь в сторону Малой Медведицы, то такой призыв возымел бы действие, и вы зашевелились бы, наконец, забегали бы с флагами, и... улетели. Но это совсем уж невероятное предложение, и рассматривать его следует лишь как своеобразное утрирование, гиперболизацию, необходимые для заострения мысли. А между тем сверхзадача есть. Она лежит на поверхности. Ее даже кто-то из живущих озвучивал, но предложение приняли за шутку. Однако это не шутка.

Одним словом, что объединяет нынешнюю Россию? Территория с историей скорее разъединяют. Первое – стоимостью авиабилетов, второе – дискуссией о том, зарывать Ленина в землю или нет. (Я бы предложил нулевой вариант: коммунисты зарывают тело своего вождя на Волковском кладбище, а верующие хоронят мощи святых на погостах. Для полной справедливости можно предать земле и эрмитажные мумии, дабы не смущать вашу демократию египетскими фараонами). Объединяет же Великороссию, милый Вы мой, воровство! Ей подвластен и внук

славян, и министр, и судья, и врач, и враг водителей автоинспектор... На почве коррупции договорятся даже слепой с глухонемым.

Тем не менее, в таких чудовищных размерах воровство и мздоимство губительней для России, чем даже Наполеон. Зря ваш убывающий с поста президент отвечал предпенсионному Зюганову, что, мол, будем взяточникам руки рубить. Хватит этой жестокости, право. Ведь эдак полстраны останется безрукой! Сколько у вас там развелось оборотней в погонах и без погон – всех и на компьютерах не пересчитать. А посему надо не рубить руки, а сокращать это самое губительное и понятное российскому люду-электорату воровство. Сделать сокращение воровства модным, как джоггинг! Конечно, сократить эту пагубу сразу вполностью невозможно – гражданская война начнется. На треть – проблематично, может произойти перегрев экономики. А вот снизить коррупцию на четверть способен каждый – и олигарх, и думец, и чинуша, и бабуля-повар, прущая домой сгущенку из летнего лагеря для невинных скаутов.

Представьте себе благостную картину... На центральном телеканале репортаж с прессконференции – один из правящей элиты встает и говорит под обвал аплодисментов: «В этом квартале мне удалось снизить мое воровство, выразившееся во взяточбрательстве и откатстве на 8,5 процента. Этот показатель превышает предыдущий квартал на 0,7 процента». А другой краснеет и что-то лепечет про ничемные 2 процента. А новый президент прерывает и ставит вопрос ребром: «Чтоб к новому году отчитался о сокращении на 10 процентов!». Взаимный энтузиазм власти и народных масс гарантирован.

Думаю, земному люду полезно знать, как устроена наша жизнь, особенно неправедникам. Все мы тут находимся в объеме, чем-то похожем на турецкую баню. Черты и ангелы оценивают дела и уводят на экзекуции или сеансы наслаждений. Некоторых же только иногда выводят проветриться и возвращают назад, чтобы жарить на сковородах вечно. В департаменте, заведующем Россией, склоняются к мнению, что воров всех сортов, как особо опасных для судеб родины, теперь не станут просто метелить плетями и кошками, но переведут на тотальную жарку на углях и кипячении в смоле. Может, знаете кого? Сообщите такому кандидату, пожалуйста. Пусть одумается.

На Ваше беспокойство по поводу приезда Ревизора сообщаю: Ревизор, конечно же, придет! Вопрос о его миссии стоит давно, и мнения тут разделились. У некоторых из наших кипят эмоции. Одни требуют послать Ревизора с полномочиями на мор и сибирскую язву для всех, утверждая, что каков народ – такова и власть, пусть все и ответят еще при жизни, а здесь уже с каждым разберутся в отдельности. А другие говорят о милосердии. Чья побеждает – не скажу, сами скоро узнаете. Но Ревизор придет обязательно! Ждать осталось недолго.

За сим пребываю всегда Ваш и откланиваюсь.

PIIPUN PIHA

Судьба многих зданий необычайно интересна. Разное время приносит им разную функцию. К сожалению, большинство финских строений сейчас утратило своё первоначальное назначение и медленно разрушается, теряя как привлекательный внешний облик, так и внутренне содержание.

И к счастью, такая судьба не коснулась красивого здания из красного кирпича, расположенного на живописном берегу залива Вакколахти. Piipun Piha («Дворик с трубой»), популярный у туристов и горожан гостинично-ресторанный комплекс в Сортавала — это бывшая финская лесопилка на мысе Кивиниеми (скалистый мыс), первое в городе крупно-промышленное предприятие. Пилорама находилась на берегу залива Ладоги на расстоянии, примерно, одного км от центра города.

Территория, на которой располагалось предприятие, прилежала к Сортавала и формально принадлежала городу, но в то же время, относилась к сельской пригородной местности (сельскохозяйственному сообществу). Сведения об основании пилорама противоречивы. Финский исследователь Йорма Ахвенанен в 1984 г. издал труд по истории финляндского лесопильного производства. Он утверждает, что у основания сортавальской лесопильной промышленности стоял

Д.Тиайнен

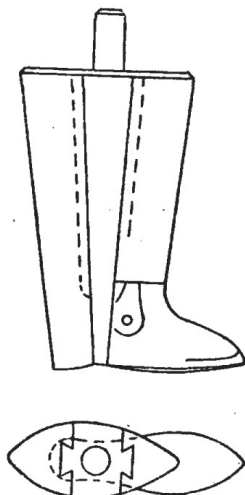
Матти Хирвонен, кузнец по профессии. Именно он, по мнению Ахвенанена, основал лесопилку в 1879 г. и в следующем 1880-м году переместил ее площадку на территорию мыса Кивиниеми. По мнению другого историка, Исмо Бьорна, Даниель Тиайнен финансировал строительство, а Хирвонен был ответственным за строительство пилорама.

Сортавальский предприниматель Даниель Тиайнен, родился в Туокслахти (1832-1905). Он владел магазином строительных товаров в Сортавала. В книге, изданной в довоенной Финляндии, говорится о том, что пилорама в Кивиниеми была основана им в 1875 году. Затем ее выкупили Эмиль Фенандер и В. Таскинен. В 1914 г., лесопилка перешла во владение фирмы Puuliike Oy, занимавшейся товарами лесопильного производства в восточном регионе Финляндии — Карелии и Саво. Руководство компании находилось в Выборге. Во главе ее стоял дипломированный инженер Роопе Хорми.

На лесопилке было два двухрамных станка. Пилили лес и производили пиломатериалы прямо на берегу. В 1925 г. в здании была построена паровая электростанция, производившая электричество (122 л.с.). Значительную часть электроэнергии предприятие продавало местной компании Niemiskosken Osaakehti, а оставшуюся использовало для собственных нужд – в основном для работы лесопильного оборудования. Отходы лесопильного производства измельчались и использовались в качестве топлива для выработки электроэнергии. Контора предприятия находилась здесь же – на мысу Кивиниеми. На пилораме было 200 работников. Для них (почти для всех) владелец построил жилье в районе современного паромы. Позже, в начале 1930-х гг., в связи с мировым экономическим кризисом, производство товарной продукции практически прекратилось.

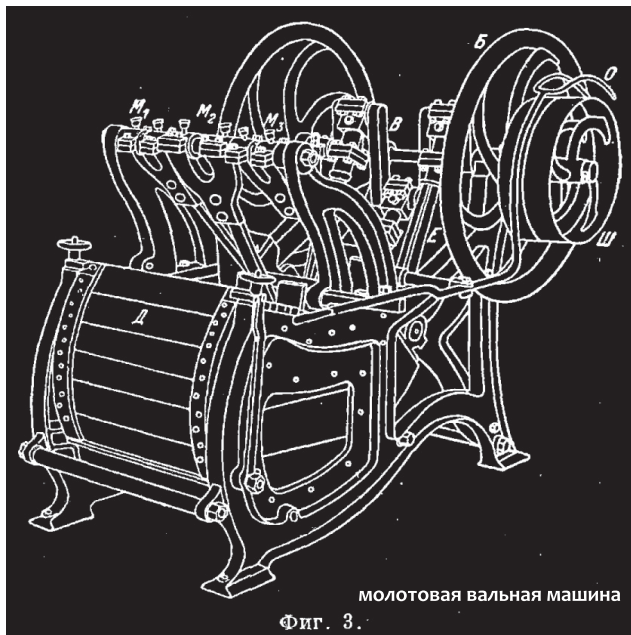
После Второй мировой войны, в 1948 году, на базе бывшей лесопилки была создана фетроваяляльная фабрика по производству валенок.

Оно выпускало до 80 кг технического войлока в день. Руководил предприятием товарищ Русанов. Не просто было осваивать новое производство. Шерсть для изделий брали грубую, с отечественных овец. На прочёсные аппараты запускали смесь из хорошей и тонкой шерсти, но иногда неправильно закладывали основу или не так валяли и валенки получались с «дырками», с

Фиг. 10.

колодка для валенка

Фиг. 3.

молотовая вальная машина

мягкими местами. Такую продукцию в розницу не отпускали, а отбраковывали и продавали своим сотрудникам по сниженной цене. Порой в складском помещении (на месте нынешнего ресторана), штабеля бракованных валенок достигали 5-ти метровой высоты. Тем не менее, ежегодно в качественные валенки обувались около 25 тысяч советских граждан со всей Карелии.

работница цеха №2 швейной фабрики Н.А.Берая (Кузнецова)

В 1958 году фабрику закрыли, так как производство валяной обуви стало не выгодным. Но здание не осталось без использования – туда перевели аппретурный (красильный или отделочный) цех суконной фабрики.

Ткани с этого цеха поставлялись на Сортавальскую швейную фабрику, а также расходились по всему Северо-западу. С суконной фабрики привозили суровье в варку, затем его валяли, после, чтобы ворс на ткани не закатывался, стригли на специальной стригильной машине, куда ткань помещалась во всю ширину рулона. Производство крашеных тканей было вредным – в здании постоянно находилась вода, сырость, запахи красителей. При выработке нитей на суконной фабрике иногда допускался брак, они были не прочными, и приходилось их подкрашивать. Когда же из ткани, сделанной из таких нитей, шили шевиотовые костюмы, то на ярком солнце, на изделии проявлялись то светлые, то тёмные полосы. Естественно, что такая продукция плохо реализовывалась. Большое количество брака и послужило, в конце 60-х годов, причиной для закрытия аппретурного цеха на Скалистом мысе.

интерьеры цеха №2 Сортавальской швейной фабрики (фото 70-х гг. XXв.)

В начале 70-х годов прошлого века в «домик с трубой» перевели цех №2 Сортавальской швейной фабрики, существовавший там вплоть до 1988 года. На месте нынешней гостиницы располагались 2 пошивочных цеха; внизу, в подвалах, был склад. Триста швей-мотористок работали в 2 смены. На втором этаже шили брюки, потом рубашки; внизу – мужские трусы и детские рубашки. Продукция реализовывалась во всех Сортавальских магазинах, в Мурманске и по всему Северо-западу. В день работники производили до 1000 трусов и 900 детских рубашек, а в месяц – 800 мужских сорочек.

Перестройка не прошла незаметно и для швейной фабрики. Многие цеха оказались закрыты, а здания брошены. И, возможно, мы бы потеряли это интересное строение, если бы в 1990 году совместному советско-финскому предприятию «Дружба» не пришла идея перестроить второй цех швейной фабрики под гостиницу. У истоков этого межгосударственного объединения стояли сортаvaleц Иван Михайлович Гюттуев и граждане Финляндии, - Калеви Пелтула, выходец из Сортавала, а также Вилли Юнтунен, инженер-проектировщик. После открытия границ, с Запада хлынул большой поток туристов, а инфраструктуры для их обслуживания в нашем городе практически не оказалось. Да и говорящих по-фински в Сортавала были считанные единицы. Иван Михайлович с телефонным справочником в руках обзванивал всех жителей с финской фамилией, в поисках финноязычной молодёжи. Вот в таких условиях и создавалось СП «Дружба», учредителями которого стали с финской стороны «Карьялан кауппа», с советской - городская администрация, комбинат общественного питания, автотран-

спортное предприятие и т.д., - всего 7 предприятий. Под гостиницу для туристов единственным, на тот момент, свободным зданием, с коммуникациями, электричеством, крепкими стенами и крышей, оказалось строение Пиипун Пиха. С советской стороны на его приобретение было выделено 70000 рублей, с финской – 500000 марок (в 1990 курс составлял 1 рубль=7 марок). Здание тогда представляло собой 2 этажа без перегородок и котельную, в которой находились трубы и котлы. Инженер Вилли Юнтунен сделал проект реконструкции швейной фабрики в гостиницу. Цеха было решено переделать под 49 гостиничных мест. При разборе полов бывших производственных помещений рабочие обнаружили столько пропавших швейных иголок, что их пришлось выносить ведрами.

В маленьком крыле сразу построили офис. Краски и сантехнику везли из Финляндии, всё остальные строительные материалы – отечественного производства. Усилиями 15 сортавальских и двух финских строителей, гостиница «Пиипун Пиха» была построена за год. В июне 1991 года она уже принимала первых туристов. Через год, помещение котельной и склада было превращено в кухню, ресторан с балконом и бар.

Вплоть до 1995 года предприятие работало, обслуживая туристов и получая хорошую прибыль. Партнеры с лихвой вернули вложенные средства. Но, после 95 года падает туристический поток, резко уменьшается прибыль, а некоторые городские предприятия-учредители прекращают свою деятельность. Финская сторона отказывается от дальнейшего сотрудничества, И.М.Гюттуев переходит на работу в администрацию города.

стр.52: изделия Сортавальской швейной фабрики (80-е гг. XXв.)

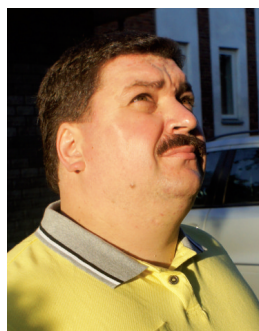
стр.53: (вверху) - освящение гостиницы - май 1991 года;

(внизу) - основатели СП «Дружба» на переднем плане слева направо: Вилли Юнтунен, Калеви Пелтула и Иван Гюттуев на открытии гостиницы - май 1991 года.

на фото:

В дальнейшем, к управлению гостиничным комплексом приходят новые руководители. В 2001 году генеральным директором ЗАО «Дружба» становится Александр Борисович Артемьев. При нём, в 2004 году, деревянный ресепшен заменили кирпичным, а с трубы, из-за возникшей трещины, сняли 15 метров кирпичной кладки. К 2007 году завершилась окончательная реконструкция здания. Сейчас в туркомплексе Пиипун Пиха работают 32 человека – это бухгалтера, товароведы, кадровики, официанты, работники гостиницы и кухни. Ежедневно гостиница принимает у себя туристов из России, ближнего и дальнего зарубежья. По пятницам и субботам в ресторане проводится музыкально-танцевальная программа, а в баре – дискотека. Территория гостиницы облагорожена, имеется платная стоянка, детская площадка, понтон для выхода на залив. Нередко вокруг домика с трубой собираются горожане на развлекательные шоу-программы и танцевальные вечера.

Александр Изотов, по материалам историка Исмо Бьорна. Светлана Махоней, на основе интервью:
с Зацевым Борисом Марковичем - работником фетровальной и суконной фабрик;
с Чистяковой Татьяной Анатольевной - швейей цеха №2;
с Гюттуевым Иваном Михайловичем.

Ген. директор ЗАО «Дружба»
А. Б. Артемьев.

Пиипун Пиха – не единственный пример промышленного строения, переделанного в жилой комплекс, в нашем городе. Но, один из самых удачных. Благодаря новым хозяевам здание получило вторую жизнь, практически не изменив внешнего облика. За сто тридцать пять лет своего существования, сменив пять, отличных друг от друга, профилей, оно не утратило своего обаяния, шарма и в то же время своей уникальности. Удачно вписавшись в ландшафт мыса Кивиниеми, Пиипун пиха, домик с трубой, стал не просто функциональным строением, но и достопримечательностью города Сортавала.

TIIVISTELMÄ

Aihe. Evakossa.

4

Lyhyeessä ajassa Sortavalan asukkaat joutuivat kolmesti evakuoitumaan kaupungista vuosina 1940—1944. Albumimme sivuilla Anjalassa syntynyt Tilda Voipio (Lempinen) muistelee ensimmäistä evakkomatkaa.

Ihmisiä. Mesenaatti.

10

Valtioneuvos Herman Hallonblad (1825—1894) ja hänen vaimonsa Elisabeth Hallonblad (1831—1907) olivat 1800-luvun tunnettuja mesenaatteja. He syntyivät ja asuivat Sortavalassa ja siksi kotiseutunsa Laatokan-Karjala oli lähellä sydäntä. He tukivat seudun koulualaa, kulttuuria ja taloudellista kehitystä. Hallonblad-pariskunnan sukunimi on jäänyt ikuisesti Sortavalan historiaan. Heidän sukuhautansa on Sortavalan suomalaisella hautausmaalla.

Ihmisiä. Kirjailija.

18

Pitkärantalainen kirjailija ja runoilija Anna Matasova tunnetaan ympäri Venäjää. Hänen kirjojaan on ilmestynyt Moskovan kustantamoista. Lehtemme tässä numerossa tarjoamme Annan Azbukashki (Aakkoset) -teoksen, jonka hän on kirjoittanut yhteistyössä hänen 4-vuotiaan Kostja-pojakansa kanssa.

Ihmisiä. Taiteilija.

28

Kuuluisa karjalainen taiteilija Aleksandr Haritonov olisi täyttänyt 70 vuonna 2010. Kouluvuotensa hän vietti Sortavalassa. Haritonov valmistui Leningradin Muhina-taideopistosta. Asui Petroskoissa. Hänet tunnetaan taitavana akvarellistina ja piirtäjänä. Hän on kuvittanut kirjan Johann Wolfgang Goethe. Valittuja runoja ja proosaa (Petroskoi, Karelia-kustantamo, 1987) ja Bulgakovin Saatana saapuu Moskovaan, mutta piirroksia ei ole koskaan julkaistu.

Eläimiä. Sinsilla.

40

Tuuheahäntäinen jyrssiä sinsilla saattaa löytyä kotieläinten joukosta myös Sortavalassa. Tosin niitä on vain neljä kaupungissamme. Sinsilla Nastja, josta kerromme albumissamme, asuu Lasten ekokeskuksessa.

Vierailut. Elävä klassikko.

43

Tässä numerossa tarjoamme uuden palstan ”Vierailut”, jonka sivuilla kerromme kaupungissamme vierailleista tunnetuista ja mielenkiintoisista ihmisistä. Ensimmäinen sankarimme on rockmuusikko, kirjailija, historioitsija ja yhteiskunnallinen toimihenkilö Vladimir Rekshan. Hänen Leninin syntymäpäivälle omistettu konserttinsa pidettiin Sortavalassa 22.04.2010. Konserttiin oli vapaapääsy. Lehdessämme julkaisemme otteita Rekshanin Lahjakkuuden sisar -kirjasta.

Kohde. Piipunpiha.

49

Sortavalan Kiviniemessä sijaitsee suosittu turistikeskus Piipunpiha. Rakennuksella on kiintoisa historia. Talo oli rakennettu 1875 rantasahaksi insinööri Matti Hirvosen piirustusten mukaan. Sodan jälkeen 1948—1958 rakennuksessa toimi vanuttamo, joka tuotti huopasia. Huopasten tuottaminen lopetettiin 1950-luvulla ja taloon tuli verkatehtaan värjäämö. 1970-luvun puolivälistä tilat sai Sortavalan ompelimon osasto nro 2. 1991 alkanut perestroika muutti ratkaisevasti piippupalon kohtalon: siitä tuli hotelli, joka toimii tänäänkin.

ТУРКОМПЛЕКС "ДВОРИК С ТРУБОЙ"
ГОСТИНИЦА
танц. шоу живая МУЗЫКА
ИНТЕРНЕТ WI-FI
РЕСТОРАН
- русская
- карельская
кухни
праздничные
ПРОГРАММЫ
ночной
ДИСКО-БАР
лобби
БАР
на берегу
Ладожского озера
E-mail: priripriika@onego.ru
Тел/факс (81430) 23240, +7(921)526-1111, КАРЕЛИЯ, СОРТАВАЛА, ул. Промышленная 44, +7(921)457-0404, www.kolmaskarelia.ru

**МУЗЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ
СЕВЕРНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ**
Приглашает в свои залы гостей и жителей города
РЕЖИМ РАБОТЫ: с пн. по пт. с 9 до 17, сб. с 10 до 17
тел. экскурсионного отдела: 2-48-02
набережная Ладожской Флотилии, дом 5

ежедневно,
кроме субботы
10-19
вс.
10-18
последний день
месяца
санитарный

**Центральная
Городская
Библиотека**
4-52-30
ул. Ленина, д.18
www.library.telesort.ru

2-45-67 8(921)459-92-13

100.8fm
СОРТАВАЛА

**РУССКОЕ
РАДИО**

ОПЫТНЫЙ СИСТЕМНЫЙ ПРОГРАММИСТ

**РЕМОНТ, СБОРКА
МОДЕРНИЗАЦИЯ**
ПРОГРАМНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ
(WEB-дизайн), консультации
+ 7(921)4-62-59-95